

Автономная некоммерческая организация
«Научно-методический центр медиации и права»

Цисана Шамликашвили

МЕДИАЦИЯ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

Издательство
ООО «Межрегиональный центр управленческого
и политического консультирования»
Москва, 2017

Автономная некоммерческая организация
«Научно-методический центр медиации и права»

Цисана Шамликашвили

МЕДИАЦИЯ В ВОПРОСАХ И ОТВЕТАХ

**МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫЙ
ЦЕНТР УПРАВЛЕНЧЕСКОГО
и ПОЛИТИЧЕСКОГО
КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ**

Москва, 2017

УДК 347.4
ББК 67.410.1
Ш19

Ш19 **Шамликашвили Ц.А.** Медиация в вопросах и ответах / Ц.А. Шамликашвили. — М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2017. — 95 с.

ISBN 978-5-98872-038

Сборник включает в себя материалы двух интервью, данных в 2017 г. автором двум профессиональным отраслевым журналам по медиации. Автор — Шамликашвили Ц.А., кандидат медицинских наук, научный руководитель ФГБУ «ФИМ», заведующий кафедрой медиации в социальной сфере и профессор ФГБОУ ВО МГППУ, президент Национальной организации медиаторов, международно признанный медиатор. Высказывания автора будут интересны и могут быть полезны как профессиональным медиаторам, так и студентам, специализирующимся в этой области, а также исследователям АРС.

УДК 347.4
ББК 67.410.1

- © Шамликашвили Ц.А., 2017
© Издательство ООО «Международный центр управленческого и политического консультирования», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Медиация — мост на пути к здоровому и зрелому обществу.....	5
Медиация — это способ сделать наш мир немного лучше и безопаснее.....	63
Об авторе.....	95

МЕДИАЦИЯ — МОСТ НА ПУТИ К ЗДОРОВОМУ И ЗРЕЛОМУ ОБЩЕСТВУ

— *Нередко медиацию упоминают наряду с такими понятиями, как «социальная справедливость», «доступ к правосудию», «доступ к справедливости». Имеются ли для этого основания, и какие?*

— Действительно, медиацию нередко соотносят с этими понятиями, и это вполне уместно в отношении медиации в ее современном понимании — как нового по своему содержанию института разрешения споров. Хотя само по себе разрешение споров с привлечением третьего лица известно человечеству, наверное, с того момента, как появился Homo sapiens, современная медиация — это особый способ урегулирования споров, который имеет ряд важных отличительных черт. Сегодня урегулирование споров с помощью медиации происходит в первую очередь на основе свободного волеизъявления сторон, вовлеченных в спор, т.е. главных заинтересованных лиц, в то время как испокон веков третье лицо, как правило, предлагало (или, вернее, принимало) решение, опираясь на свой «авторитет». А те, чьи интересы были затронуты, следовали этому решению, т.е. чужой воле, доверяясь «авторитетному мнению». Такую форму разрешения конфликтов мы сегодня определяем как посредничество.

Надо сказать, что в наше время, даже если стороны соглашаются на такую форму вмешательства третьей стороны, результат не только не является справедливым для всех сторон, но и, как этого следует ожидать, не обеспечивает исчерпания конфликта. Вот почему в таком случае

говорить о доступе к справедливости и об устойчивом результате разрешения спора не приходится.

Современная медиация, ориентированная на интересы самих сторон, создающая для спорщиков максимальные условия для выражения глубинных интересов и удовлетворения потребностей (которые необходимо удовлетворить, чтобы разрешить ситуацию), действительно, может обеспечить возможность социальной справедливости и доступа к правосудию в широком смысле этого слова, и этот факт сегодня уже подтверждается на практике.

В общепринятом понимании доступ к правосудию — это, конечно же, в первую очередь обращение к судебной системе. Но если говорить о правосудии как о доступе к справедливости, то в этом смысле медиация оказывается инструментом, способным эффективно обеспечить такой доступ. Справедливость — это категория относительная, и у каждого может существовать свое представление о справедливости. А медиация, будучи обращенной к интересам самих участников спора, и, одновременно, создавая условия для того, чтобы результаты урегулирования отвечали потребностям всех сторон, вовлеченных в спор, безусловно, создает наилучшие условия для того, чтобы решение было справедливым для каждого из оппонентов. Современную медиацию, предполагающую максимальную вовлеченность в процесс самих сторон спора, наделение их властью и осознанием возможности и силы собственного влияния на исход процедуры, а самое главное, влиянием на содержание и качество решений, которые будут приняты, без преувеличения можно отнести к способам достижения процедурной справедливости. В последние годы и в правовой науке, и в смежных с ней областях знания, таких, как психология права, социология, психология управления и других, вопросам процедурной справедливости и выработки решений на основе процедуры, воспринимаемой как справедливая всеми заинтересованными участниками, уделяется большое внимание. И это, наверное,

запрос времени. Ведь сегодня, в эпоху интернета, стремительного информационного обмена, как никогда раньше в истории человечества, необходимы инструменты, позволяющие находить сбалансированные решения, в идеале основанные на консенсусе. Но, к сожалению, консенсус не всегда возможен. А вот создать условия для того, чтобы каждая сторона, интересы которой затронуты, могла быть услышана, чтобы ее мнение было учтено — не только желательно, но порой просто необходимо. Это нужно хотя бы для того, чтобы избежать негативных последствий, кризисов и, конечно же, для поддержания возможности устойчивого развития. Поэтому без преувеличения можно сказать, что современную медиацию нужно рассматривать как инструмент процедурной справедливости, ведущей к социальной справедливости в том числе. Ведь медиация в более широком социокультурном контексте — это способ поддержания равноправного диалога в обществе, на разных его уровнях, и это позволяет говорить о медиации как об инструменте совершенствования общественных отношений. Вместе с тем, медиация способствует и совершенствованию общественно значимых институтов, одним из которых является система разрешения споров и ее важнейший элемент — судебная система.

– Но, разгружая суды, медиация, вероятно, также способствует и большей доступности обычного правосудия?

– Да, но это совсем другая история, и надо иметь в виду, что это отнюдь не главное достоинство медиации. Конечно, очень часто, когда медиацию пытаются рекламировать, стараются заинтересовать государство в необходимости ее развития, приводится именно этот довод, гласящий, что медиация — хороший способ для разгрузки судов. Безусловно, в определенной мере так оно и есть. Ведь мы все понимаем, что существует много незначительных, на взгляд государственной системы, обращений в суд — по незначи-

тельными делам. Но при этом такие «незначительные» дела очень важны для самих сторон, и подчас оказывают огромное влияние на то, как в будущем сложится судьба людей. Поэтому, когда медиация, а не суд дает возможность урегулировать такого рода споры, и в итоге все стороны оказываются удовлетворенными, это имеет очень большое значение как для самих спорящих, так и для общества в целом, — и, безусловно, приносит пользу судебной системе. Кроме того, здесь опять же вполне уместно говорить о достижении справедливости посредством процедуры, воспринимаемой сторонами как справедливая. Ведь из суда одна из сторон (если не обе) точно уйдет неудовлетворенной, расценивая вынесенное не в ее пользу решение как несправедливое. В то же время суды, освобождаясь от незначительных для них дел, получают возможность сосредоточиться на сложных делах, требующих более углубленного изучения и больших затрат времени.

Кроме того, у медиации есть еще один очень важный, на мой взгляд, побочный эффект: она позволяет повысить авторитет судебной системы. Сегодня часто говорят о несовершенстве судебной системы, но если она активно вовлекается в развитие медиации как института, доверие к ней закономерно растет.

Ведь судья — это человек, который наделен очень большими полномочиями, и таким образом он оказывает огромное влияние на жизнь и судьбы оказывающихся в его власти людей. Это для судьи очень большая ответственность, драматичное испытание его человеческих и профессиональных качеств, нередко требующее от него разрешения очень сложных этических дилемм. Но при огромном количестве дел (а во многих юрисдикциях суды очень перегружены, и Россия здесь не является исключением, а, может быть, даже опережает многие страны) от судьи очень трудно требовать, чтобы он при разрешении дела уделял внимание еще и эмоциональным, и человеческим аспектам. Для этого у него просто нет времени, ведь

ему приходится в течение месяца разрешать несколько десятков, а иногда более сотни дел! И таким образом, разгружая судей, медиация одновременно работает на улучшение имиджа судебной системы в целом, на повышение доверия к ней в обществе.

— Медиация в ее современном виде начала активно развиваться во второй половине XX столетия. И принято считать, что это стало своего рода ответом на те вызовы, которые предъявляло современное общественно-экономическое развитие. А можно ли считать, что пути развития медиации и предпосылки для интеграции ее в различных обществах одинаковы? Или существует своя специфика вызовов и ответов, которые дает медиация на эти вызовы?

— В действительности медиация начала развиваться даже не во второй половине XX столетия, а уже на исходе первой его половины. Первые организации, которые опирались на медиацию институционально, возникли в США. Это, например, Национальный медиативный совет, который был создан для того, чтобы предотвратить негативное воздействие неизбежно возникающих споров в системе перевозок (как пассажирских, так и грузовых, на железной дороге и на воздушном транспорте). Инициатором создания Национального медиативного совета выступило государство, стремившееся снизить риски последствий как больших, так и малых кризисов в этой сфере экономики (имеющей стратегическое значение в любой развитой стране). Все корпорации отрасли и другие участники отношений, включая профсоюзные объединения, поддержали это начинание, ключевым аспектом которого является договоренность о применении медиации при возникновении споров в качестве предпочтительного способа их урегулирования. В конце 40-х годов прошлого века медиация стала активно применяться в трудовой сфере как для раз-

решения трудовых споров, так и для урегулирования конфликтов на рабочем месте. Но все-таки активное развитие медиации в США началось в 70-е годы. К этому же периоду относят появление термина «альтернативное разрешение споров» (АРС), и именно тогда медиация была причислена к системе альтернативных способов разрешения споров. Нередко начало системного развития АРС и медиации в США, да и в мире в целом связывают с программной речью профессора Гарвардской школы права Франка Сандера «О различных способах рассмотрения споров», произнесенной им в 1976 г. на конференции, известной, как Паундовская конференция, посвященной 70-летию выступления Роско Паунда¹.

В 1976 г. Франк Сандер в своем выступлении сформулировал концепцию «суда с множеством дверей». Согласно этой концепции, в связи с назревшей необходимостью совершенствования доступа к правосудию, наряду с возможностью обращения в суд, гражданам должна предоставляться альтернатива в виде различного вида АРС. Вскоре в США одновременно было запущено несколько пилотных проектов, направленных на развитие медиации, причем часть из них предусматривала различные формы интеграции медиации в работу судов. Здесь, кстати, нужно отметить, что за последние 20 лет на основе сложившегося опыта мы отошли от противопоставления медиации суду, и в ряде случаев вместо «альтернативных способов разрешения споров» считается более уместным говорить об «адекватных способах разрешения споров». Суд, что вполне логично, рассматривается в качестве одного из таких, адекватных, способов. Таким образом, сегодня мы имеем

¹ Имеется в виду знаменитая речь Паунда «Причины распространенной неудовлетворенности отправлением правосудия», с которой в начале XX в., как считается, начались важные институциональные реформы в американской судебной системе. Публикацию рус. пер. обеих речей см. Медиация и право. Посредничество и примирение. 2016. № 1(39); Суд. АРС. Медиация. М.: МЦУПК, 2017.

континуум способов урегулирования споров, в котором, что немаловажно, суд является одним из возможных вариантов выбора. Медиация же занимает в этом ряду все более весомое место — и это при том, что в отличие от России, в странах англосаксонского права, и, в частности, в США, выбор внесудебных способов достаточно велик. Как бы то ни было, в США в последние десятилетия менее 3 % дел доходят до полномасштабного судебного разбирательства. Схожая картина наблюдается и в Великобритании.

Но несмотря на то, что медиация действительно стала интенсивно развиваться в послевоенные годы в индустриальном и постиндустриальном обществе потребления (будучи, по существу, ответом на вызовы общественно-экономического развития), утверждать, будто медиация всюду развивается идентичным путем, будет неправильно, хотя предпосылки к ее развитию, как правило, имеют определенное сходство.

Даже в очень похожих друг на друга демократических странах и юрисдикциях медиация развивается по-разному. Более того, сейчас, например, уже можно говорить о том, что хотя современная медиация пришла в Европу в конце 80-х гг. (спустя десятилетия после своего зарождения в США), тем не менее то, как преломлялась медиативная практика сквозь призму европейского культурно-исторического опыта и традиционных ценностей, оказало очень сильное влияние на последующее развитие медиации как современного института и в США, и, конечно, во всем остальном мире. Европа за эти годы не только приложила усилия к прививанию культуры применения медиации, но и проделала большую работу для прояснения разницы и отграничения таких понятий (и связанных с ними процедур), как согласительная процедура и примирение — от медиации. Это необходимо для дальнейшего распространения медиативной практики, не путем навязывания ее потенциальному пользователю, а на основе совершения им осознанного выбора. И, наверное, главное, в чем про-

является это влияние европейского опыта – наполнение истинным содержанием медиации как добровольной, ориентированной на запросы сторон процедуры. Именно в последние десятилетия такие понятия, как empowerment (наделение сторон властью, силой влияния), impartiality (равноудаленность, беспристрастность), делегирование сторонам всей полноты влияния и ответственности за достигнутые решения, за содержание договоренностей, стали реально воплощаться в медиативной практике, в то время как до этого они нередко оставались лишь декларацией. До недавнего времени в США в экономических спорах превалировала оценочная медиация, практиковалось формальное (и даже не всегда обязательное) участие сторон в процедуре, подразумевалась ведущая роль юристов, ожидающих от медиатора предложений о возможных вариантах разрешения спора. Теперь же такой подход становится все менее популярным, и связано это с ростом информированности сторон о возможностях, особенностях и преимуществах медиации.

Вместе с тем, анализируя пути развития медиации в различных странах, нужно постараться ответить на очень важный вопрос: для чего тому или иному обществу нужна медиация? Наверное, общим для всех ответом может быть – стремление к самосохранению. Ведь выдающийся философ, социолог Клод Леви-Стросс считал, что XXI век будет веком гуманизма, иначе его не будет вовсе. Медиация является гуманным ответом на любые потенциально недружественные, и даже насильственные действия. Современная медиация, в принципе, является не только способом разрешения споров, но, что не менее важно, социальным институтом, способным содействовать совершенствованию других институтов и общественных отношений в целом. Казалось бы, медиация должна развиваться в ответ на запрос общества, опираясь, прежде всего, на другие общественные институты. И в некоторых странах процесс распространения медиации, являясь естественным этапом эволюционно-

го развития общества, происходит в большей степени опираясь на общественные институты, как говорится — «снизу вверх». Постепенно медиативное мировоззрение начинает преобладать, способствуя гуманизации общественных отношений в целом. Но не всегда общество готово к такому эволюционному пути, хотя способность к диалогу, гуманизация ему жизненно необходимы.

Вообще считается, что обычно институты развиваются «сверху вниз» или «снизу вверх». Можно сказать, что в США развитие медиации происходило «снизу вверх», если принять во внимание, что в семидесятых годах там начала развиваться общинная медиация, стали появляться по всей стране так называемые «community mediation centers». В силу высокой развитости гражданского общества эти центры и другие службы, создававшиеся как социально значимые проекты, активно сотрудничали с различными институтами (как государственными, так и институтами гражданского общества), тем самым повышая уровень осведомленности потенциальных пользователей о возможностях медиации. Одновременно развивались службы медиации при судах (начало их развитию было положено исторической речью Ф. Сандера, о которой мы уже говорили). Не оставалось в стороне и предпринимательское сообщество. Например, компания Hewlett-Packard на протяжении многих лет ежегодно жертвовала немалые суммы на развитие медиации, содействуя распространению медиативной практики. С другой стороны, очень большое влияние на развитие медиации в США, конечно, оказало юридическое (и, в частности, судебское) сообщество. И этот момент очень важно отметить: ряд выдающихся представителей судебного сообщества США в связи с неудовлетворенностью судебной системой в целом, — неудовлетворенностью, которую разделяли адвокаты, консультирующие юристы и корпоративные клиенты, — в поисках возможных инструментов урегулирования споров пришли к пониманию необходимости развития медиации. Именно тогда,

в конце 70-х, были созданы такие организации, как JAMS и CPR², сыгравшие впоследствии огромную роль в развитии медиации во всем мире. А ведь, как уже говорилось, в странах англосаксонского права спектр различных способов разрешения споров достаточно широк. Возможностей и инструментов очень много: их более двух десятков, и они постоянно развиваются, появляются новые. Но, тем не менее, наряду с традиционно востребованным арбитражем предпочтение было отдано медиации. В США начала развиваться медиация, причем на тот момент в большей степени оценочная. А последние 15 лет мы можем наблюдать в Соединенных Штатах устойчивый тренд — происходит движение к востребованности содействующей, фасилитативной медиации, особенно при урегулировании коммерческих споров. Общество активно использует медиацию в самых различных сферах деятельности и общественной жизни. Медиация находит все большее применение как метод, дающий возможность поддержания диалога на разных уровнях, в том числе между государством и обществом, как инструмент партисипативной демократии, как способ предупреждения конфликтов. В какой-то момент началось и встречное движение: развитие медиации стало происходить не только «снизу вверх», но и «сверху вниз». Однако, участие государства все равно происходит при участии институтов гражданского общества. Одним из наиболее активных участников этого процесса всегда была АВА³ (Американская Ассоциация Юристов). Сегодня в АВА действует секция разрешения споров, в которой состоит более 15 тысяч членов. В начале 2000-х гг. в США был принят единый Акт о медиации⁴, но до сегодняшнего дня нет фе-

² JAMS — Judicial Arbitration and Mediation Services, Inc. См.: <https://www.jamsadr.com/about-jams/>.

CPR — The International Institute for Conflict Prevention & Resolution (CPR). См.: <https://www.cpradr.org/>.

³ ABA — American Bar Association. См.: <https://www.americanbar.org/>.

⁴ Uniform Mediation Act. August 10-17, 2001. Approved by the ABA.

дерального закона о медиации, и вся обширная практика в этой области регулируется в основном рынком и, конечно же, институтами гражданского общества.

Что же касается России... Да, мы часто слышим, что вот, мол, во всем мире сначала нарабатывают медиативную практику, а потом уже задумываются о ее законодательном закреплении. И в некоторых юрисдикциях (например, в США), наверное, это правильный подход. По логике, так и должно быть, ведь очень сложно создавать основу правового регулирования, не имея опоры в виде хотя бы отчасти сложившейся практики. Да и во многих случаях правовое регулирование не имеет принципиального значения для развития медиации. Если говорить о той же Европе, то, например, Голландия является, образцом наиболее активного применения медиации, причем во всех возможных сферах деятельности, вплоть до налоговых споров. При Королевской службе по налогам уже более десяти лет существует и очень успешно действует служба медиации! Однако, несмотря на то, что Европейская Директива требовала от всех стран Евросоюза принятия национального законодательства о медиации до 2011 г., Нидерланды не спешили с принятием закона о медиации. А ведь именно эта страна приложила для развития медиации очень много сил, и ее опыт очень важен для развития этого института не только в Европе, но и в мире в целом, в том числе, и с точки зрения применения медиации при суде... Тем не менее, отсутствие закона им не мешает динамично интегрировать медиацию в жизнь страны, и общество является достаточно активным участником этого процесса. Но здесь нам, безусловно, следует учесть социо-культурные особенности, свидетельствующие о высоком уровне способности (и даже потребности) голландцев договариваться и принимать решения на основе согласия.

February 4, 2002. См.: <http://www.mediate.com/articles/umafinalstyled.cfm>. Рус. пер. см.: http://mediators.ru/rus/about_mediation/foreign_law/usa/text1.

Если же говорить о нашей стране — то, наверное в первую очередь нужно обратиться к исследованиям и работам Александра Самойловича Ахиезера⁵, который, исследуя историю России как философ, культуролог, социолог, обращался к медиации как к социокультурной категории. Он рассматривал медиацию как возможность выхода из цикличности попадания в исторические ловушки. Ключевая его работа была опубликована лишь в 1991 г.⁶, а в 2013 г. его коллеги, последователи и единомышленники — социологи, философы, культурологи, историки — собрались в Институте социологии РАН, чтобы обсудить тему медиации как социокультурной категории⁷. Понадобилось несколько десятилетий, чтобы внимание ученых-гуманитариев было уделено столь важному явлению.

Россия — все-таки патерналистское государство. Если бы не был принят закон о медиации, мы бы не смогли продвинуться вперед, — во всяком случае, продвинуться существенно, — для того, чтобы сделать этот институт не просто востребованным, но даже сколько-нибудь возможным к применению, по крайней мере в контексте сотрудничества с судебной системой.

При этом, принимая во внимание уровень сутяжничества и проявлений агрессии, в нашем обществе медиация очень нужна, даже если это самим обществом пока не осознается. Но здесь нужно помнить еще и о том, что весь исторический опыт человечества показывает — готов-

⁵ Ахиезер Александр Самойлович (1929—2007) — российский философ и культуролог, в т.ч. разрабатывал концепцию медиации как социокультурной категории.

⁶ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). М.: Философское общество СССР, 1991; 2-е изд. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.

⁷ «Медиация как социокультурная категория». 22 февраля 2013 г. Институт социологии РАН, Москва. Стенограмма выступлений опубликована в журнале: Философские науки, 2013. №11, 12; 2014. № 1, 2, 3, 4, 5 и в интернете на сайте ИС РАН: http://www.isras.ru/files/File/publ/davydov_room.pdf.

ность и умение договариваться отнюдь не является главным и превалирующим качеством человека. Вот почему медиация — это все-таки социально конструируемый институт, который должен быть поощряем государством и обществом, особенно в России, где пока еще очень слабо гражданское общество. Поэтому ждать, когда само общество будет в состоянии без опоры хотя бы на правовую базу развивать медиативную практику, не приходится. Здесь, наоборот, привитие культуры медиации «сверху» — это один из важнейших факторов развития гражданского общества и совершенствования его институтов, вплоть до содействия развитию правового государства.

Медиация — это метод, подразумевающий зрелое общество, состоящее из людей ответственных, носителей активной гражданской позиции, умеющих конструктивно реагировать на конфликты, способных договариваться со своими оппонентами на основе сотрудничества. Но вместе с тем, для того чтобы общество отвечало таким характеристикам, ему нужно время и возможность учиться, приобретать опыт.

В современном российском обществе уровень агрессии очень высок. Из исследований Института психологии РАН мы знаем, что за последние тридцать с небольшим лет мы обогнали очень многие страны по уровню агрессии и проявлениям насилия⁸. У нас также очень высокий уровень бытового насилия, и, как выясняется, по количеству убийств на 100 000 человек мы больше чем в два раза опережаем США, занимающих лидирующие позиции по этим невеселым показателям (14 748 случаев в США и 14 574 в РФ в 2011 г., согласно данным УНП ООН, приведенным на портале право-

⁸ См. например: *Юревич А.В., Ушаков Д.В.* Нравственность в современной России [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2009. № 1(3). — <http://psystudy.ru>; *Юревич А.В.* Проявления агрессивности в современном российском обществе как психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 3. С. 68-77.

вой статистики Генеральной Прокуратуры РФ)⁹.

Даже если отбросить все остальные аргументы, нашему обществу медиация очень нужна уже для того, чтобы создать условия для снижения градуса агрессии. Однако рассчитывать на то, что само общество будет предпринимать активные попытки к улучшению ситуации, вряд ли стоит. Если же учесть, что существует расхожее мнение о преобладании в нашем характере состязательности и воинственности (мнение, которое многим нашим соотечественникам кажется лестным), трудно представить внутренний стимул, который мог бы изменить ситуацию в обществе. В этих условиях государство должно всесторонне помогать инициативам, которые будут способствовать развитию медиации как способа улучшения общественных отношений на микро- и макроуровне.

Вместе с этим не стоит забывать и про проблемы, связанные с несовершенством государственных институтов, например, с коррупцией — распространение медиации в определенной степени способствует и их решению.

— То есть Вы считаете, что медиация может стать инструментом, меняющим общественные отношения при должном внимании к этому методу?

— Безусловно, но вместе с тем ни в коем случае не надо преувеличивать и переоценивать возможности медиации. Она, конечно же, не является панацеей. И вообще, нет и не может быть «таблеток», которые позволят обществу излечиться от существующих проблем, причем в одночасье. Такого рода изменения требуют времени, при условии последовательности, поступательности предпринимаемых усилий, терпения, чуткости. Но мы можем быть уверены в том, что медиация, во-первых, является одним из важных инструментов, которые просто необходимы для того, чтобы не позволить общественным отношениям погрузиться

⁹ http://crimestat.ru/world_ranking_homicides.

в пучину агрессии и насилия, а, во-вторых, медиация сама по себе способствует развитию ответственности и привитию совести — по выражению знаменитого австрийского психолога Виктора Франкла¹⁰.

В одном из своих выступлений Виктор Франкл, вспоминая о посещении Советского Союза и затем о визите в постсоветскую Россию, говорил о том, что после того как Советский Союз прекратил свое существование, перед Россией стоит очень сложная задача — привитие совести. А это процесс — привитие совести — небыстрый, и он неразрывно связан с развитием ответственности. Именно личной, индивидуальной ответственности в нашем обществе сегодня очень и очень не хватает. Мы должны сделать все возможное, чтобы будущие поколения, наши дети и внуки, обладали этим чувством и росли с осознанием того, что, во-первых, они ответственны за то, что происходит не только в их жизни, но и вокруг них, чтобы они не оставались равнодушными к окружающему миру, и, во-вторых, чтобы они не чувствовали себя беспомощными, бессильными по отношению к тому, что происходит вокруг. Именно это является залогом того, что в будущем наше общество сможет противостоять новым сложностям, которые неизбежно будут возникать.

— То есть, в сущности, речь о формировании гражданского общества...

— ...И гражданской позиции, гражданской ответственности. Причем не в качестве каких-то умозрительных категорий, а именно того самого патриотизма, о котором сегодня так много говорится. Патриотизма, когда человек любит Родину — начиная от своих четырех стен и заканчивая своей страной в широком смысле этого слова. Но любит не слепо

¹⁰ Франкл Виктор (1905—1997) — австрийский психолог и психиатр, узник концентрационного лагеря (1942—1945), создатель логотерапии как метода экзистенциального психоанализа.

и напоказ, а с пониманием и осознанием, что есть трудности и сложности (ведь без этого не может существовать ни одно самое благополучное общество), есть проблемы, и эти проблемы нужно решать сообща, не перекладывая ответственность на других, а активно участвуя в их разрешении, прилагая свои умения, способности, и понимая, что именно наше равнодушие является залогом успеха — нашего собственного успеха и успеха общества в целом. Индифферентность, отсутствие способности и, главное, желания составлять собственное мнение, инфантилизм, лень души — это, к сожалению, тенденции, которые все ярче проявляются в характеристиках современного человека. Все это происходит в сочетании с нарастающей зависимостью от социальных сетей, неуклонно снижающейся способностью не коммуницировать, а именно общаться. Но если общество вовремя оценит эти риски и начнет активно использовать в широком смысле возможности медиации, это поможет снизить влияние многих негативных факторов глобализации и технического прогресса.

— А как вы считаете, какие особенности медиации оказывают благоприятное влияние на личность человека? В чем заключается это влияние?

— Прежде всего, современная медиация создает условия для получения индивидом неопределенного опыта обретения себя как сильной личности, способной влиять на значимые для нее ситуации. В английском языке это называется трудно переводимым на русский словом «empowerment» — что значит «наделение человека силой и властью». Иначе говоря, это означает помочь человеку найти доступ к своему собственному ресурсу силы влияния, который, безусловно есть в каждом из нас. Человек в процедуре медиации получает опыт и возможность понимания того, что что-то поддается его собственной воле, что он может выразить свое отношение к волнующей его проблеме, и все, что он ска-

жет, будет услышано и воспринято, и, что не менее важно, все это будет происходить в обстановке уважения и безопасности. Происходит приобретение неопределимого опыта самостоятельности, автономности, осознание значимости собственного мнения и его влияния на ход событий. Конечно, говоря о таком потенциале медиации, мы опираемся не только на саму процедуру как способ, применяемый для разрешения структурированного, признанного сторонами спора. С целью интеграции медиации в различные сферы деятельности и использования ее преимуществ для превенции и раннего урегулирования конфликтов нами был разработан медиативный подход¹¹, который является своего рода производным медиации, опирающимся на ее основополагающие принципы.

Ведь принципы медиации только на первый взгляд кажутся простыми и очевидными. На самом деле в повседневной жизни человека, в окружающей его среде далеко не всякая коммуникация является общением, и не всегда взаимодействие происходит на основе уважения, равноправия, принятия — без чего истинного общения просто не существует. И здесь речь идет не только о межличностном общении. Не зря норвежский социолог Йохан Галтунг¹², посвятивший большую часть жизни исследованию мира и тому, что препятствует его установлению (и, как следствие, исследованию насилия, которое неизбежно стоит на пути к миру), классифицируя виды насилия, выделяет структурное насилие¹³. Структурное насилие может выражаться в насилиии, которое испытывает человек или сообщество в

¹¹ Авторский метод, разработанный в Центре медиации и права.

¹² Галтунг Йохан (Юхан) (род. 1930) — выдающийся норвежский математик, социолог и политолог. Основатель дисциплины «исследования проблем мира и конфликтов». Разработал инновационную технологию урегулирования конфликтов — метод ТРАНСЕНД. В 1980 г. предсказал падение через 10 лет Берлинской стены и распад СССР. Подробнее см. <https://www.transcend.org/>.

¹³ Впервые ввел в работе: *Galtung J. Violence, Peace, and Peace Research // Journal of Peace Research*. 1969. Vol. 6. No. 3. P. 167-191.

связи с несовершенством институтов.

Нередко, когда мы говорим о правах человека, мы апеллируем к таким правам, которые относятся к человеческим потребностям низшего уровня, которые, безусловно, должны быть удовлетворены. Но права человека — это, конечно, и его политические права, и его осознание себя как индивида, как человека, который является носителем представлений о мире, для которого самореализация — это, в том числе, и возможность влияния на то, что окружает его.

Мы часто соотносим медиацию и судебную систему, правовую систему. Так вот, активная интеграция медиации в такие институты и ее институционализация способствуют их совершенствованию и снижению уровня структурного насилия, которое каждый из нас испытывает в большей или меньшей мере.

— А как, на Ваш взгляд, идет процесс интеграции медиации в России? Что было достигнуто за последние годы? И много это вообще или мало, по сравнению с процессом становления медиации в других странах? И вообще уместно ли такое сравнение?

— Думаю, что, в принципе, сравнения уместны и сравнивать всегда интересно.

Как человек, который стоял у истоков институционализации медиации, развития медиативной практики в нашей стране, я полагаю, что все, что сделано к сегодняшнему дню, это очень мало, и мы находимся все еще в самом начале пути. Но, с другой стороны, если ретроспективно вернуться к тому, что было пятнадцать лет назад, когда мало кто знал, что такое медиация, а из тех, кто уже слышал это слово, редко кто хоть немного разбирался в ее сути, да и среди последних многие по разным причинам не верили, что медиация в России вообще может привиться... Кроме того, у многих экспертов был аргумент, который мы уже упоминали, будто медиация хороша везде, но она никогда

в жизни не будет востребована в России, потому что россияне больше настроены на состязательность, на реванш, на возмездие, а договороспособность — это несвойственное нам качество... И тем не менее, при всем при этом, проделав очень большую работу, мы, сейчас уже можно сказать, создали основы для успешного распространения медиации в нашей стране. Утверждения же о том, что медиация возможна везде, но не в России, это, скорее, неверие в возможность перемен к лучшему, связанное как с особенностями нашего исторического развития, уходящего глубоко корнями в древность, так и с трагедиями, пережитыми российским обществом на протяжении XX столетия. События, которые привели к травматизации общества, закрепили в нас недоверие не только к общественным и государственным институтам, но и к самим себе, вызвали сужение пространства внутренней свободы. И все-таки мы ничем не лучше и не хуже, чем другие. Мы — жители Земли, и, так или иначе, нам просто необходима способность договариваться, особенно в современных условиях, когда риски недоговороспособности возросли многократно и, без преувеличения, могут привести к катастрофе.

И здесь встает вопрос о том, какие модели поведения поощряемы обществом, государством? Мы уже подошли к тому моменту, когда и государство, и те общественные институты, которые каким-то образом могут влиять на подобные процессы, озадачились необходимостью культивировать медиативную стратегию поведения в обществе как возможность развивать культуру дружественного разрешения конфликтов, менталитет сотрудничества, без которого в современном мире движение вперед крайне затруднительно. И, пожалуй, в этом контексте можно считать большим достижением, что на сегодняшний день у нас уже есть закон о медиации.

Утверждение в правовом пространстве — это один из ключевых моментов в развитии любого института в нашей стране, и особенно такого значимого с общественной точки

зрения института, как медиация. Но, конечно, закон — это необходимое, но далеко не достаточное условие развития медиации. Должно возникнуть осознание того, что интеграция, развитие такого института, как медиация сопряжено с постоянной, последовательной работой и, прежде всего, с информационно-просветительскими усилиями. Кроме того, развивая медиативную практику, важно проявлять гибкость в избираемой тактике и чуткость к тому, как реагирует на этот институт общество.

Конечно, как это нередко бывает, наши первоначальные ожидания и представления о том, как процесс должен развиваться, не всегда оправдываются. Так, в самом начале, когда мы только начали системно развивать медиацию, предполагалось, что прежде всего предпринимательское сообщество заинтересуется этим инструментом, потому что он является наиболее органичным для деловых отношений. Ведь, по идее, для представителей бизнес-сообщества самое главное — урегулировать спор с учетом их коммерческих интересов, а медиация как раз этому и способствует. В процедуре медиации очень важно, чтобы все договоренности заключались в рамках права, хотя, как мы обычно говорим, медиация работает не на основе права, а под сенью права. И нам казалось, что, в первую очередь, именно предприниматели должны воспринять и востребовать этот инструмент. Но реальность оказалась иной. Сейчас мы видим, что как раз предприниматели — самые «отстающие» с точки зрения восприятия медиации. Хотя, безусловно, их заинтересованность в медиации постепенно растет.

Хочется верить, что российский бизнес со временем начнет использовать все преимущества медиации. Ведь и созданная сразу после принятия закона о медиации Национальная организация медиаторов, которая в 2013 г. стала саморегулируемой организацией, была учреждена, наряду с Центром медиации и права, и Ассоциацией юристов России при участии крупнейших деловых сообществ — таких,

как РСПП и ТПП России. Это указывает на понимание значимости медиации для экономических отношений и вселяет надежду на то, что не просто в предпринимательском сообществе, а во взаимодействии между хозяйствующими субъектами медиация будет постепенно находить все большее применение. На сегодня так сложилось, что чаще говорят о бизнес-медиации, коммерческой медиации, медиации в корпоративных, предпринимательских спорах, а между тем медиация должна активно применяться в экономике в целом — и не только как способ урегулирования споров, но и как способ предупреждения конфликтов, которые неизбежно влекут за собой негативные, а порой и фатальные последствия для бизнеса и экономики. Речь здесь может идти о предотвращении гигантских убытков. Ведь огромное количество субъектов хозяйствования, оперирующих государственным бюджетом, государственных корпораций, которые, прежде всего из соображений снижения рисков сложных судебных тяжб и повышения эффективности расходования бюджетных средств, просто обязаны иметь в своем арсенале медиацию.

Первым шагом в этом направлении могло бы стать включение медиативных оговорок в договоры с контрагентами, а также включение комплексно интегрированного медиативного подхода (КИМП)¹⁴ в повседневную деятельность организаций и корпораций. Использование медиации должно быть одним из факторов риск-менеджмента, в том числе при принятии решений о реализации и финансировании крупных проектов, особенно сложных, протяженных во времени. Мы много говорим о необходимости улучшения инвестиционного климата, о борьбе с коррупцией, и именно медиация является одним из очень значимых инструментов для решения таких задач. Мы надеемся, что со временем медиация будет активнее интегрироваться в корпоративную культуру, активнее применяться юридическими компаниями. В международном

¹⁴ Авторская разработка Центра медиации и права.

контексте этому очень способствовало принятие соответствующих хартий CPR¹⁵, к которым еще в 80-е годы XX в. присоединилось более 1000 крупнейших американских и мировых компаний и сотни ведущих юридических фирм. Но, к сожалению, в России в отношениях между хозяйствующими субъектами пока применение медиации находится на зачаточном уровне, и именно поэтому в настоящее время, оценивая результаты с точки зрения распространения практики, мы говорим, что сделано очень мало. Хотя без той основы, которая создавалась на протяжении более чем 12 лет, и все остальное оставалось бы невозможным.

С другой стороны, очень позитивным является тот факт, что медиация востребована в социальной сфере. И доказательством тому служат проекты в различных направлениях социальной работы, которые ведутся, в том числе, в регионах и с разного рода государственными институтами, при участии общественных организаций. Это и проекты, связанные с социальной защитой семьи и детей, с работой органов опеки и попечительства, и с вопросами защиты прав и интересов детей в целом¹⁶.

Все это свидетельствует о том, что государство осознает роль медиации в решении социально значимых задач, а общество постепенно узнает о медиации и учится прибегать к помощи медиации, что со временем в идеале долж-

¹⁵ CPR — International Institute for Conflict Prevention & Resolution. См. подготовленный при нашем участии рус. пер.: Руководство Международного института по предотвращению и разрешению конфликтов (CPR) по медиации и APC в Европе. Нью-Йорк, 2015. — <https://www.cpradr.org/resource-center/non-english-language-resources/russian/-CPR>.

¹⁶ Благодаря Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность, которая была утверждена Правительством в соответствии с планом реализации Национальной стратегии защиты интересов детей, медиация и восстановительное правосудие получили основания для систем-

но стать обычной, повседневной практикой. Ведь одним из признаков зрелости общества является, в том числе и степень развитости внесудебной медиации, то есть практики, когда граждане самостоятельно, без направления суда, при возникновении разногласий в первую очередь стараются их разрешить с помощью медиации.

Возвращаясь к проблемам социальной сферы, можно также заметить, что нередко в группах, работающих над решением значимых социальных задач, в рабочих коллективах возникает некий момент усталости от осознания того, что прежние инструменты, которые пытались здесь использовать, не дают ожидаемого эффекта, в то время как медиация нередко воспринимается как глоток свежего воздуха, наполняя кровеносную систему отношений кислородом. Мы видим благотворное влияние медиации на жизнь коллективов, призванных решать очень сложные задачи, которые требуют огромного человеческого, эмоционального вклада от каждого в очень непростых условиях. Здесь проявляется еще один очень важный эффект медиации, вернее, медиативного подхода — развитие коллектива как сообщества, носителя общего понимания целей и задач, разделяющего единые ценностные установки. Это позволяет нам предположить, что медиация необходима не только тогда, когда мы интегрируем собственно медиацию, как, например, при создании служб школьной медиации, но и как основа, фундамент перед внедрением любых других новых методов и подходов. Ведь устойчивое, основанное на преемственности и профессионализме существование любой методики опирается на человеческий потенциал.

Следует акцентировать внимание и на том, что медиация не терпит формального подхода, а как только мы оказываемся в контексте бюрократической машины, то есть встраиваем новый подход в систему, риски формали-

ной интеграции их в работу с детьми и несовершеннолетними правонарушителями.

зации очень сильно возрастают. Например, мы работаем с несовершеннолетними правонарушителями, с детьми и подростками от 10 до 18 лет. У многих из них, если не у большинства, уже по несколько правонарушений. Работа с такими детьми, очень много пережившими на своем жизненном пути и нередко утратившими доверие к внешнему миру, веру в самих себя, требует очень больших усилий и времени, она не терпит суеты, давления. А время на эту работу дается очень ограниченное. Кроме того, это деликатная работа. Она требует последовательности, она требует терпения, что часто вступает в противоречие с условиями, которые формирует «система».

Поэтому мы пытаемся проходить между Сциллой и Харибдой, стараясь найти компромисс и сбалансировать, с одной стороны, стремление реализовать возможности медиации в этой работе и, с другой стороны, — те ограничения и рамки, которые создает государственное регулирование.

Нельзя не отметить еще очень нужный эффект интеграции медиации и медиативного подхода — это снижение рисков профессионального (эмоционального) выгорания. А ведь это проблема, с которой приходится сталкиваться во всех видах деятельности, где человеческое общение и человеческий фактор стоит на первом месте.

Такую методику, как медиация, можно интегрировать, только с опорой на качественно подготовленные профессиональные кадры. Поэтому нельзя ждать широкомасштабной интеграции ее по всей стране за короткий срок. Если это не принимать во внимание, мы заведомо ставим под удар не только качество выполнения задачи, но и ее метатецель.

Если же анализировать опыт разных стран, то он везде имеет свои особенности. Но везде без исключения распространение медиации требует времени, последовательных терпеливых усилий и, что немаловажно, совместной работы государства и общества.

— Тем не менее очень оптимистично, что медиация уже востребована в социальной сфере. А как Вы считаете, заинтересовано ли государство в развитии медиации? Насколько велика его роль в продвижении медиации на сегодняшний день? И вообще, не вредно ли отдавать такой институт, как медиация, на откуп государству в смысле продвижения?

— Современному государству медиация необходима: ведь это инструмент поддержания диалога между властью и обществом. А если это государство, приверженное демократическим ценностям, социально ориентированное, если государство — для человека, а не наоборот, то медиация становится здесь одним из значимых инструментов. Отвечая на вторую часть вашего вопроса, должна отметить, что, действительно, проблема степени вовлеченности государства в регулирование медиации, безусловно, существует. И она актуальна в большей или меньшей мере везде, независимо от юрисдикции, политического устройства, существующих традиций регулирования институтов, развитости гражданского общества и т. д. С самого начала нужно быть очень осторожными в том, чтобы не допустить жесткого регулирования или какого-то очень грубого вмешательства государства в жизнь этого института. Такие риски существуют постоянно, и надо быть к этому очень и очень чуткими. При этом если попытаться проанализировать международный опыт и посмотреть, как происходит регулирование медиации за рубежом, становится очевидным, что все равно без государственного регулирования, без какого-то, большего или меньшего, участия государства дело не обходится нигде. Рано или поздно элемент государственного регулирования медиации возникает (или, по крайней мере, появляется очевидная необходимость в нем).

Допустим, в Великобритании нет закона о медиации (и он и не предполагается), но там очень многое было сделано, когда произошла реформа гражданского судопроизводства и судьям были даны большие полномочия для

того, чтобы способствовать обращению, прежде всего, корпоративных клиентов к процедуре медиации. Вплоть до применения очень жестких санкций. То есть государство может вводить механизмы, способствующие развитию медиативной практики.

Или, например, возьмем вопрос поддержания высокого стандарта медиативной практики, компетентности медиаторов, их профессионализма. В разных обществах, конечно, он решается по-разному. В странах, где есть развитое гражданское общество и в спорах участвуют достаточно просвещенные стороны (то есть потенциальные пользователи медиации, способные отличить медиацию от процедур, таковой не являющихся), обычно считается, что рынок сам все отрегулирует. Если спросить, к примеру, об этом многих американских коллег, они скажут, что рыночное регулирование лучше всего. Вместе с тем, за последние годы и в США возросла озадаченность медиативного сообщества в связи с уровнем подготовки медиаторов и качеством услуг, предоставляемых ими.

Есть тут и другая сторона. Мы уже касались темы оценочной и фасилитативной медиации... В Штатах до определенного момента при разрешении любых споров существовала абсолютная монополия юристов и, в том числе, в процедуре медиации. То есть юристы решали, какой будет эта процедура. Вот почему оценочность для них была не то, чтобы допустима — она им была очень даже удобна. Но сейчас постепенно стороны начинают понимать, что у них есть возможность самим высказать все, что им необходимо, самим обозначить свои позиции. Ведь какой бы ни был хороший юрист, все равно конфликт интересов присутствует. И юрист до конца не может знать (каким бы открытым с ним ни был клиент), что для его клиента самое важное в этом споре и чем он руководствуется при тех или иных действиях или при принятии того или иного решения. Да и сам клиент нередко по-настоящему начинает понимать, осознавать свои истинные интересы уже только в

ходе медиации.

Так вот, под влиянием большей информированности пользователей, клиентов, сейчас происходит изменение запроса в пользу содействующей медиации. Ведь в медиации, наряду с вопросами содержательными, не менее значимы вопросы процедурные, вопрос взаимодействия сторон, и еще вопросы о том, как принимаются решения вообще, и о том, как принимаются решения о принятии решений. Все эти вопросы очень сильно взаимосвязаны. Возможность участия самих сторон в их решении и позволяет им воспринимать процедуру как справедливую.

Допустим, что в Штатах или в Европе люди по большей части знакомы с медиацией и неплохо разбираются в различных способах урегулирования споров, хотя и это не является аксиомой, потому что очень часто и там стороны путают арбитраж и медиацию. Это, кстати, наиболее распространенная ошибка, причем свойственная не только обывателю, но и профессиональным юристам. Такая неосведомленность, в первую очередь, среди юридического сообщества (и даже, не побоюсь этого слова, невежество) на самом деле может очень мешать развитию медиации столь же сильно, как и неудовлетворительное качество медиативных услуг.

Поэтому, конечно, здесь требуется регулирование — то есть нужны хоть какие-то минимальные стандарты, способные помочь тем же сторонам, потенциальным пользователям, понять, что может и должен, и чего не может и не должен делать медиатор. Отчасти для решения этой задачи нами был разработан и утвержден Кодекс медиаторов России¹⁷. Разумеется, разрабатывая этот документ, мы тщательно исследовали опыт разных стран, и одновременно учитывали наши социокультурные особенности. Так же был разработан и утвержден профессиональный стандарт в области медиации, предусматривающий специализацию,

¹⁷ С Кодексом медиатора, утвержденным Президиумом НП «НОМ» (см. <http://npnom.ru>) можно ознакомиться на сайте Феде-

что также очень важно для поддержания качества медиативной помощи и дальнейшей профессионализации медиативной практики в целом¹⁸.

В июне 2016 г. НП «НОМ» при активном участии ФГБУ «ФИМ» был учрежден Совет по профессиональным квалификациям в области медиации, и это решение видится вполне закономерным, поскольку сегодня можно с уверенностью сказать, что есть все основания для выделения медиации в отдельный Совет — в силу широчайшего спектра ее применения. Нужно лишь время, чтобы и участники профессионального сообщества, и другие заинтересованные стороны вышли за пределы узкопрофессионального видения и полностью осознали широту возможностей медиации. Постепенно деятельность Совета будет развиваться, содействуя профессионализации медиативной практики и повышению ее качества.

Одним из ключевых аспектов развития отрасли и ее регулирования является формирование экспертного сообщества и развитие профессионального сообщества медиаторов. Ведь у государства должна быть возможность опираться на профессиональное экспертное сообщество. При этом профессиональное экспертное сообщество должно быть компетентным, открытым к изучению многообразного опыта, формирующегося как внутри страны, так и за ее пределами, способным обогатить практику. Также очень важно, чтобы уже те, кто занимается медиацией или намерен посвятить ей себя в будущем, осознавали социальную значимость медиативной практики и подходили к ней с соответствующим чувством ответственности, а не относились к этой деятельности как к своему сугубо частному делу (од-

рального Института Медиации по адресу http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/07/Code_med_ru.pdf.

¹⁸ Профессиональный стандарт специалиста в области медиации, разработанный АНО «Центр медиации и права», утвержден приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 г. Ознакомиться с ним можно по адресу http://mediacia.com/m_docs/Profstandart.pdf.

ним из проявлений такого, можно сказать, узкоцехового взгляда на медиацию, является все еще звучащее время от времени определение медиации как сделки).

В немалой степени именно такое представление о медиации привело к тому, что история с принятием закона о медиации была очень непростой. Первый законопроект, который был внесен в Госдуму, был разработан на основе (а точнее, был своего рода калькой) типового закона ЮНСИТРАЛ о международной коммерческой согласительной процедуре¹⁹, что абсолютно не отвечало запросу нашей страны к медиации как социокультурному инструменту. Если мы институциализируем медиацию, то закон должен создать правовые рамки для развития этого института во всех сферах деятельности, а не только при разрешении коммерческих споров. И это тоже область ответственности экспертного сообщества — не вести законодателя, государство по ложному пути. Или, например, вопрос введения обязательности медиации. Ведь достаточно большая часть сторонников развития медиативной практики, наверное, руководствуясь самыми благими намерениями, активно выступала за введение такой меры. При этом не учитывались ни особенности нашей страны, ни международный опыт. Безапелляционные утверждения о том, что без обязательной медиации мы не приучим граждан к новому способу разрешения споров, чреватые не только в связи с тем, что обязательность противоречит одному из основополагающих принципов медиации — добровольности. Ведь главное, чтобы ничто не препятствовало свободному волеизъявлению сторон в самой процедуре, в процессе принятия решений, выработки договоренностей.

Да, нужно искать способы, стимулирующие применение

¹⁹ Официальный рус. пер. см. ЮНСИТРАЛ. Типовой закон о международной коммерческой согласительной процедуре и Руководство по принятию и применению. 2002 год. Нью-Йорк: ООН, 2004. — https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-conc/03-90955_Ebook.pdf.

медиации, и вполне возможно, что введение обязательного досудебного применения медиации могло бы дать для этого импульс, катализировало бы этот процесс... Однако это не должно происходить в ущерб реализации конституционного права граждан на обращение в суд. А если все-таки вводить такую меру даже в усеченном виде, по отдельным категориям дел, то только при условии предоставления гражданам возможности пройти такую досудебную процедуру *pro bono*, то есть на безвозмездной основе.

И тогда первый, и главный вопрос — можем ли мы обеспечить качественное решение этой задачи? Сегодня я уверена: это невозможно не только в масштабах всей страны, но и в отдельных регионах. И причин этому много. Главная причина — это отсутствие необходимого количества действительно компетентных медиаторов, да еще готовых отдавать часть своего времени бесплатно. Хотя, справедливости ради, нужно сказать, что очень многие медиаторы ведут свою практику и на бесплатной основе, занимаясь подвижнической деятельностью. Но, как показывает и международный опыт, это нормально в начале развития нового института, когда медиаторы не относятся к своей работе лишь как способу зарабатывания денег, а, осознавая потребности отрасли, находящейся в начале своего становления, инвестируют в нее свое время и профессиональные навыки. Кроме того, для медиаторов порой это единственная возможность накопить практический опыт, и, конечно же, это своего рода проявление социальной ответственности. Но на одном энтузиазме некорректно, да и просто невозможно строить глобальные проекты, призванные решать задачу широкомасштабной интеграции новой практики по всей стране.

В то же время, если не замахиваться на радикальные и нереалистичные проекты, было бы хорошо вводить при судах обязательные информационные сессии о медиации для сторон, что вполне осуществимо в некоторых регионах. Но еще раз повторю, что люди, которые будут их про-

водить, должны быть действительно компетентными.

Раз уж речь зашла о государственном регулировании, не могу не упомянуть об итальянском опыте, где в свое время в рамках решения задач, поставленных директивной ЕС, был принят законодательный акт об обязательной медиации по целому ряду категорий дел, что явилось беспрецедентным актом. Наверное, побуждения были самые благие, и во многих публикациях, основанных на анализе итальянского опыта, отмечалось стремительное увеличение числа медиаций. Но какой ценой? Юристы, адвокаты вышли с протестными акциями на улицы, вскипело и возмущение граждан, которых затронула необходимость до обращения в суд платить деньги за неизвестную им процедуру. В результате возник противоположный эффект — негативный настрой против медиации в обществе, а сам законодательный акт был признан неправомерным, и его пришлось отозвать. И это пример, который должен служить своего рода уроком. Ведь, что ни говори, распространение медиации — это изменение культуры реагирования на конфликт, и не зря считается, что медиация характеризует более высокую ступень развития общества.

Чтобы отучить наших предков от кровопролития для защиты своих интересов, понадобились тысячелетия, а мы хотим, чтобы современный человек вдруг за несколько десятилетий отказался от состязательного процесса, который внешне кажется вполне безобидным и цивилизованным — и стал в сотрудничестве со своим оппонентом разрешать споры. Для того, чтобы человек осознал, что в большинстве случаев в конфликте его проблемой является не оппонент, а сложности, которые нужно выявить и попытаться разрешить совместными усилиями (оппонент, как правило, не в меньшей степени заинтересован в поиске выхода из создавшейся ситуации), чтобы тот, кто оказался в трудной ситуации, понял, что устранением или наказанием так называемого противника проблема не решится, нужно время. Нужно, чтобы способность рационально подходить

к решению проблем стала частью культуры.

Наверное, главное, что могло бы делать государство — это содействовать профессионализации медиации, субсидировать проведение пилотных проектов по интеграции медиации в различные сферы деятельности в регионах, прислушиваться к нашим предложениям по включению медиации в отраслевые законодательные акты, возможно, по аналогии с бесплатной юридической помощью создать механизм бесплатной медиативной помощи по ряду категорий дел — и в первую очередь, семейных и связанных с вопросами защиты прав детей, а также установить квоты на проекты, содействующие развитию медиации при распределении грантов. То есть существует множество возможных форм мягкого и действенного участия государства в распространении медиативной практики, которые можно было бы только приветствовать.

— Как Вы полагаете, насколько успешно сейчас в России происходит формирование профессионального сообщества и корпуса медиаторов? И не попадают ли иногда люди, обращающиеся к медиации, в ловушку непонимания сути этой процедуры, о которой мы уже говорили, из-за непрофессионализма так называемых медиаторов?

— Когда вы задали этот вопрос, я подумала, что иногда не только пользователи попадают в эту ловушку, но и те люди, которые называют себя медиаторами. Очень часто они находятся в этой ловушке, пребывают в неведении, и даже и счастливы в своем неведении, принимая за медиацию то, что они сами считают медиацией, и предлагая это пользователям. Тем самым они создают огромные риски на пути развития нового института. И здесь не менее важно, как строится система подготовки медиаторов, кто их учит. В самом начале многие ставили знак равенства между арбитражем и медиацией, или рассматривали медиацию как

одну из его разновидностей...

— Или уравнивали медиацию и переговоры...

— Да. Но ведь переговоры — это очень широкое понятие. А переговоры в медиации — это достаточно специфическое построение переговорного процесса на основе равноправия, сбалансированности сил. И эти особенности очень важны.

У нас сегодня, к сожалению, нет необходимых рычагов для введения хотя бы минимального, базового стандарта, основываясь на котором входили бы в профессию люди, которые впоследствии будут себя позиционировать как медиаторы. Имеется ввиду не стандарт, написанный на бумаге, а реальная подготовка медиаторов. И ключевым элементом решения этой задачи являются прежде всего требования к подготовке тренеров медиаторов. На сегодняшний день в нашей стране существует большая потребность в медиаторах, этот дефицит особенно ощущается в социальной и образовательной сфере. И, к сожалению, при этом нельзя быть уверенными в том, что все, кто себя называют медиаторами, таковыми являются. Поэтому, думаю, стремясь к компенсации этого кадрового дефицита, нам надо проявлять большую осторожность. Но эти люди чаще всего не виноваты в том, что не понимают сути медиации. Поэтому мы, чтобы изменить эту ситуацию, стараемся создавать ориентиры, вести просветительскую работу, в том числе и для пользователей. Большая ответственность за эффективность этой работы лежит и на различных ведомствах, хотя для них, конечно, существует огромный соблазн рапортовать о выполнении поставленных задач, оперируя большими цифрами. Но, по крайней мере, в случае с медиацией лучше делать меньше, да лучше.

Вот, например, Концепция о развитии сети служб медиации²⁰ — очень важный документ, создающий основу

²⁰ Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в це-

для системной имплементации медиации. Хотя на ее реализацию до сих пор не было выделено финансирования, мы ценой огромных усилий, пусть небольшими шагами, но стараемся воплощать ее в жизнь. Между тем, даже если бы нам были предоставлены все ресурсы, которые необходимы для реализации Концепции и системного развития восстановительной практики на основе медиации, создания условий для применения восстановительного правосудия, чтобы качественно внедрить его по всей стране, — все равно, по-видимому, на это потребовалось бы (при самом лучшем, идеальном, стечении обстоятельств) не менее десятилетия. Но нам не дали вообще никаких ресурсов, и мы стараемся собрать, что называется, с миру по нитке, и на очень скудных ресурсах все-таки развивать эту работу.

При этом ведомствами делаются громкие заявления, имеющие своей целью показать, что уже чуть ли не по всей стране концепция успешно реализуется. Такой подход к решению очень значимых для будущего нашего общества и страны задач крайне отрицательно сказывается на работе в целом. Так, у нас появляется огромное количество служб школьной медиации, но при этом мы знаем, сколько в нашей стране тренеров медиаторов. И этот контингент просто не может создать условия для того, чтобы по всей стране качественно создавались и функционировали такие службы! Поэтому очень важно не обманываться на этот счет, а стараться делать эту работу профессионально и с опорой на профессионалов, трезво и реалистично оценивать необходимые усилия и время для ее проведения и получения результата. Люди, участвующие в развитии медиации (и особенно те, кто наделен властью, возможностью влиять на принятие решений) должны понимать, что

лях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 30 июля 2014 г. № 1430-з. — <http://static.government.ru/media/files/41d4f737efc862673fa1.pdf>.

английский газон, как говорится, выращивается столетиями. Или, как говорят китайцы, «чтобы сидеть под деревом, его надо сначала вырастить».

Поэтому смешно задавать вопрос через несколько недель после утверждения Концепции в каком-нибудь дальнем регионе нашей страны: «Сколько у вас создано служб школьной медиации?». А люди на местах сразу пугаются и начинают рапортовать, что у них создано огромное количество этих служб школьной медиации, что они с помощью медиации урегулировали уже тысячи споров. На самом деле, когда начинаешь с ними говорить, они, конечно, смущаются и в итоге признаются, что понятия не имеют, о чем вообще идет речь. Но это еще не самый худший сценарий. Бывает так, что они потом начинают свято верить в то, что именно школьной медиацией и занимаются, и берутся этому учить других. Это еще хуже, так как запускает порочный круг непонимания сути медиации.

В таком деле не нужны лозунги. Мы должны понимать, что перед нами стоят достаточно сложные задачи, решение которых требует времени, усилий, что они просто по мановению волшебной палочки не решаются. Надо дать людям возможность как-то спроецировать это на свою ситуацию. Например, «Методические рекомендации по созданию служб школьной медиации», которые были разработаны ФГБУ «ФИМ»²¹, были сделаны так, чтобы организация могла найти для себя тот путь, который для нее наиболее приемлем, возможен, исходя из потребностей и имеющихся ресурсов.

И, конечно, нужно, чтобы медиаторы присоединялись к Кодексу профессиональной этики²², чтобы организации, которые хотят заниматься подготовкой медиаторов, в первую очередь заботились о том, чтобы преподавательский

²¹ С этим документом можно ознакомиться на сайте ФИМ по адресу http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/Methodicheskie-Rekomendatsii_Sluzhby-SHM.pdf – примеч. ред.

²² См. примеч. 14.

состав, тренеры медиаторов были должным образом подготовлены. Ведь это тоже вопрос добросовестности и ответственного отношения к отрасли и к обществу в целом.

— Ну, а все-таки как Вы считаете, как можно обеспечить качественную работу медиатора, вообще качество этой работы? Что тут может помочь? Сертификация? Какие-то особые требования профессионального сообщества? Реестр медиаторов? Как, в принципе, можно добиться того, чтобы непрофессиональный подход не дискредитировал саму идею медиации?

— В законе о медиации все еще существует допущение профессиональных и непрофессиональных медиаторов. Я надеюсь, что со временем мы откажемся от такого подхода. Сегодня профессионализация медиации, как я уже сказала, это одна из основных задач, стоящих на пути к успешному развитию медиации в целом. Прошел уже достаточный срок с момента принятия Закона, чтобы отказаться от допуска непрофессиональных медиаторов (что казалось целесообразным на первом этапе развития нового для страны института). Тем более что медиация более уязвима для непрофессионализма, в связи с ее новизной. Ведь одно дело — такие виды деятельности, которые являются классическими, традиционными и для которых существуют в общественном сознании, если можно так сказать, привычные ориентиры, определенные стандарты, по которым даже обыватель может судить о том, насколько профессионален специалист, к которому он обратился, качественно или некачественно ему были оказаны услуги.

Медиация — это новый вид деятельности. Представление о ней и ее понимание еще не устоялось в обществе. Поэтому пользователь легко может оказаться в ситуации, когда ему за медиацию будут выдавать нечто совершенно другое. И здесь, в первую очередь, необходимы инструменты, позволяющие отслеживать процесс подготовки меди-

аторов, чтобы в образовательных организациях, которые готовят профессионалов в этой сфере, это не делалось формально, чтобы обязательно преподавание велось людьми, которые прошли соответствующее обучение и имеют необходимый практический опыт. То есть начинать надо с корней. А как мы можем говорить о развитии профессионального сообщества, если мы не будем говорить о том, кто это профессиональное сообщество возвращает, готовит?!

Концепцией предусмотрено создание системы сертификации. Любая сертификация добровольна, и это правильно. Другое дело, что если ты действительно хочешь добросовестно заниматься какой-то деятельностью и стремишься к построению отношений с потенциальными пользователями, то участие в такой системе является естественным шагом. Тем более если это новый для общества институт, и пользователю необходимо иметь какие-то ориентиры. Поэтому система сертификации, даже если она добровольна, со временем создаст условия для формирования объективного знака качества. И постепенно те, кто в этой системе участвовать не захочет, станут своего рода маргиналами.

Кроме того, в закон должны вернуться достаточно четкие формулировки, связанные с минимальными требованиями к подготовке медиаторов. К сожалению, они были выведены из текста закона в связи с принятием в 2012 г. нового закона об образовании. Медиация относится к дисциплинам или обучающим программам, которые не могут иметь федеральный стандарт, потому что это дополнительное образование (после высшего образования). Поэтому на сегодняшний день мы оказались в ситуации, когда в законе о медиации в связи с требованиями к подготовке медиаторов осталась только ни к чему не обязывающая формулировка, но, думаю, со временем это положение удастся исправить. И, в принципе, все те, кого можно считать компетентным профессиональным сообществом медиаторов, сегодня за то, чтобы создать инструменты для

обеспечения должного уровня подготовки не только на входе в профессию, но и для присутствия в ней. Медиатор не может и не имеет права, как говорится, останавливаться на достигнутом. Его деятельность, пожалуй, как никакая другая, требует постоянного совершенствования, работы над собой и саморазвития.

— В разных странах есть разные требования к программам обучения медиаторов. Вот интересно, как Вы представляете, какой для России должен быть, так сказать, входной билет? Какой объем знаний и какого рода должен получить медиатор? Насколько долго ему нужно обучаться?

И еще один вопрос. Люди, каких профессий в нашей стране кажутся Вам наиболее подходящими кандидатами в медиаторы? Есть ли такие профессии?

— Начну с последнего вопроса. Я думаю, что наша страна здесь не является исключением. Наш опыт, как и международный, показывает, что нет таких профессий, которые бы давали какие-то преимущества в случае, если человек становится медиатором. Для медиатора ценны все знания и весь жизненный опыт, который он приобрел. Конечно, для медиатора очень и очень важны его личностные качества. Это имеет первостепенную важность. А успешными медиаторами становятся люди самых разных профессий. Традиционно так повелось, что чаще — это юристы, психологи, социальные работники. Однако это вовсе не означает, что они более успешны и эффективны как медиаторы.

Базовые требования к медиатору сформулированы в законе. Медиатор должен иметь высшее образование. Также законом введен возрастной ценз для профессии медиатора, и в этом тоже есть своя логика: это такой компромиссный, можно сказать, возраст — двадцать пять лет. Хотя понятно, что в принципе медиаторами могут быть и непрофессионалы, люди, не получившие специальное образование

по медиации или не соответствующие иным требованиям к профессиональным медиаторам, а когда мы говорим о школьной медиации, в роли медиаторов могут выступать и дети. Разумеется, это не означает, что они, окончив школу, могут пойти и заниматься разрешением споров. Но, тем не менее, эти знания и навыки останутся с ними навсегда и будут сопровождать во взрослой жизни.

Медиация — это междисциплинарная деятельность, и мы не можем сказать, что в медиации важнее — право или психология, или любая другая из дисциплин, которые входят в ареал медиации как области знаний и практики. Медиация черпает основания для реализации того потенциала, который в ней имеется, во многих дисциплинах и областях знания: это право и социология, психология и антропология, конфликтология, семиотика и множество других дисциплин.

А что касается того, какое количество времени должен учиться медиатор... Допустим, в Австрии и Германии есть базовые программы, рассчитанные на 400 с лишним часов обучения. А в США может быть и так, что человек обучается 14–20 часов, после чего он уже называет себя медиатором. Может он и совсем не учиться. Но чаще бывает так, что люди сами понимают, что без специальных знаний они в эту сферу даже не должны пытаться вступать. Здесь срабатывает этика, и в какой-то мере, наверное, инстинкт самосохранения, боязнь проявить непрофессионализм...

— ...Ну, наверное, и рыночные механизмы?

— Конечно. Поэтому человек предпочитает сначала познакомиться с профессией, прежде чем предлагать свои услуги на рынке. В тех же Соединенных Штатах, например, очень хорошо развита система служб медиации при судах, а также общинные центры медиации и медиативные клиники, где люди как раз могут проходить практику, позволяющую им нарабатывать профессиональный опыт. К

счастью, сегодня, благодаря многолетним усилиям Центра медиации и права по интеграции медиации в различные сферы деятельности, в частности, в работу с судами и с системой опеки и попечительства, мы создали условия для приобретения практики начинающими медиаторами.

У нас в стране базовая программа подготовки медиаторов составляет 120 часов. Это как раз тот минимум, который необходим человеку для того, чтобы понять, что такое медиация. Программа очень интенсивная, но, все равно очень многое из того, что хотелось бы и нужно было бы дать начинающему медиатору, в нее вместить просто невозможно. На то есть объективные причины. Во-первых, существуют границы восприятия и способности усвоения информации. И не только информации: мы учим людей через их личный опыт, через проживание и осмысление этого опыта. Во-вторых, это требует и определенной методологии преподавания. У людей же нет возможности уделить много времени дополнительному образованию, отрываться от своей основной работы на длительный срок. Впоследствии, когда они уже начинают практиковать, к ним приходит понимание и потребность развивать и углублять полученные знания и навыки. Именно для этой цели, а также для содействия специализации медиаторов разработан блок «Особенности медиации в различных сферах», состоящий из более чем десяти различных модулей, позволяющих знакомится с особенностями медиативной практики в семейной сфере, коммерческой, в системе образования и т.д. Это позволяет медиатору, с одной стороны, повышать квалификацию, совершенствовать навыки, а с другой стороны — еще и специализироваться. И третий блок — это тренерский.

Сразу хочу оговориться, что для меня неприемлем такой подход, когда медиатор обучается в течение лишь 14–20 часов. Потому что медиация — это не только и не столько техники и инструментарий медиатора. Без того, чтобы человек проникся философией медиации как тако-

вой, он вряд ли станет хорошим медиатором. Поэтому для нас очень важно, чтобы мы могли предоставить каждому участнику группы возможность сначала понять для себя, что такое медиация на самом деле. И только после этого можно переходить к технике и инструментарию. В конце концов, это уже дело практики и наработки опыта.

— Насколько мне известно, наш российский Закон о медиации поддерживает содействующую модель медиации. Но ведь в мире много разных школ и подходов. Не ограничиваем ли мы таким образом потенциальных пользователей?

— Действительно, существуют различные модели, подходы, школы. Они различаются по некоторым особенностям роли медиатора, по уровню его влияния, директивности, по степени участия в выработке содержания решений, договоренностей и даже по задаче самой процедуры. Мы уже затрагивали оценочную модель, которую можно больше причислить к посредничеству, хотя и в ней есть свои градации. Но чаще всего медиатор здесь достаточно директивен, он нередко не только высказывает оценку спора с точки зрения правовых позиций сторон, но и предлагает варианты решения конфликта. Эта модель практически диаметрально противоположна содействующей (фасилитативной), хотя, в сущности, наиболее «следующей за сторонами» является трансформативная модель медиации. Среди моделей выделяют также нарративную и понимающую, которые, на мой взгляд, в той или иной степени используются практически в любой содействующей процедуре медиации. Различают медиацию в соответствии с целью, для достижения которой она проводится — от разрешения спора до улучшения отношений между сторонами.

Также медиацию иногда классифицируют по тому, в каком формате она проводится — пленарном, при раздельных встречах, в смешанном формате, в виде челноч-

ной медиации. Различают медиацию и по делению на фазы: самая распространенная — это пятифазная модель, но иногда можно встретить и трех-, и более чем семифазную модель. Для того, чтобы процесс мог быть определен как медиация, он прежде всего должен проводиться в соответствии с ее основополагающими принципами. Что же касается моделей, то, наверное, со временем, с опытом у любого медиатора вырабатывается собственный стиль, и вместе с тем, если медиатор действительно профессионал, он в равной мере хорошо умеет работать во всех моделях (или даже, точнее будет сказать, умеет подобрать нужный, единственно правильный подход, наилучшую модель к каждому конкретному случаю).

А можно сказать и так: медиатор в каждом случае, опираясь на свой опыт и умения, создает модель, в которой есть все лучшее и необходимое для данных сторон, в данном конкретном споре, и это можно назвать по *model mediation*. Это так же, как в уровнях компетентности — высшим уровнем является неосознаваемая компетентность.

Что же касается нашего закона, то он действительно описывает содействующую медиацию. И это очень мудро со стороны законодателя — задать достаточно четкие ориентиры в отношении новой для нас процедуры. Выбор содействующей модели продиктован здесь еще и тем, что она минимизирует коррупциогенные факторы, что в наших условиях крайне важно.

Коль скоро мы затронули вопрос различных моделей медиации, наверное, будет уместно сказать и о некоторых тенденциях, наметившихся в последние годы в мире. Это, прежде всего, устойчивый рост востребованности медиации в корпоративной среде — на фоне снижения спроса на арбитраж. Другое достаточно примечательное явление — это возрастающий интерес к гибридным или смешанным процедурам. Лидерство среди них держат мед-арб и арб-мед, которые все чаще появляются в многоступенчатых оговорках, особенно в международных контрактах. На

этом фоне все актуальнее становится расшифровка APC как «адекватных способов разрешения споров», которые представляют собой континуум подходов, а не набор конкурирующих друг с другом «альтернативных способов». И, конечно же, онлайн-разрешение споров²³, которое постепенно становится популярным не только в сфере электронной торговли, но и даже в таких областях, как урегулирование семейных споров.

Особенно активно ОРС развивается в странах, где очень сильное гражданское общество. В США уже сейчас десятки миллионов споров разрешаются в режиме онлайн, без привлечения каких-либо государственных механизмов. Одной из самых очевидных сфер применения ОРС является защита прав потребителей. В связи с этим приняты документы ЕС, и уже несколько лет функционирует европейская платформа ОРС²⁴. Так что и в этой области у медиации есть потенциал для развития.

— А что касается юристов, как они относятся к медиации? В первую очередь, адвокаты и представители судейского сообщества в России? Они становятся союзниками в деле развития медиации?

— Медиация, бесспорно, тесно связана с правовой практикой. Хотя право является далеко не единственным направлением, в котором медиация должна развиваться. При этом для многих самым очевидным является именно применение медиации в правовой сфере. Человек ведь чаще всего, когда ему нужно защитить права, разрешить спор, обращается к юристам и/или в суд. Поэтому вполне естественно, что юридическое сообщество всегда и везде оказывало и оказывает очень большое влияние на развитие медиации.

²³ ODR — Online Dispute Resolution.

²⁴ Доступна для европейских потребителей с 15 февраля 2016 г. Подробнее см.: http://ec.europa.eu/consumers/solving_consumer_disputes/non-judicial_redress/adr-odr/index_en.htm.

Недавно в одной из статей о медиации я прочитала: «Если спросить у юриста, что такое для вас медиатор, он ответит, что это — неизбежное зло. А если спросить у медиатора, что такое для вас юрист, то он тоже ответит, что это неизбежное зло». Думаю, что это можно воспринимать скорее как шутку, но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды.

Хотят они того или нет, юристы и медиаторы в современном мире обречены на сотрудничество. Медиаторы в большинстве своем совершенно трезво оценивают необходимость правовой помощи в процедуре медиации, а вот юристы подчас излишне ревностно относятся к появлению медиации в арсенале правовой практики. Это проявление недалекости, отставания практики от запроса, который формируется просвещенным клиентом. Профессиональные, наиболее «продвинутые» юристы, если и видят в медиации неизбежное зло, то ключевым словом здесь является именно «неизбежное». Ведь они прекрасно понимают, что правовая помощь меняется вместе с изменениями, происходящими в социально-экономической сфере.

Практикующие юристы (я сейчас говорю не о судейском сообществе, а, прежде всего, о юристах, адвокатах, которые работают со спорящими сторонами и представляют их интересы) должны понимать, что медиация не является конкурирующей сферой деятельности. И только если юрист способен, следуя требованиям профессиональной этики, компетентно и с уважением права выбора клиента, предложить своему доверителю различные пути для разрешения спора, помочь клиенту сделать информированный выбор в пользу наиболее приемлемого подхода, только тогда это современный, квалифицированный юрист.

Сегодня клиенты все больше ценят не юристов-воинов (хотя все еще бывают ситуации, когда жесткая состязательность вполне уместна, а иногда и необходима), чаще им нужно с наименьшими потерями и с наилучшим результатом в возможно короткие сроки найти выход из ситуации, и это им помогает сделать юрист, содействующий

разрешению проблем (lawyer problem solver). Чтобы быть таким юристом, нужно прежде всего осознавать свои профессиональные цели и понимать, что клиент, получив опыт работы с этим юристом и его методами, при необходимости будет обращаться именно к нему и в дальнейшем. Ведь клиенту совсем ни к чему быть втянутым в судебную тяжбу и пребывать в состоянии неопределенности. Кроме того, даже если суд вынесет решение в его пользу, это вовсе не означает исполнения решения, тем более что уровень исполнения судебных решений в нашей стране, к сожалению, меньше 50 %.

Наряду с этим юрист — всегда очень важный участник процедуры медиации. Согласно действующему закону, даже если медиатор является юристом по образованию, он не может консультировать клиента по правовым вопросам. Во-первых, это может нанести ущерб его нейтральности как медиатора. А, во-вторых, это подчеркивает тот факт, что именно юристы являются частью медиативного процесса. Ведь, как я уже сказала, медиация всегда проводится под сенью закона. И присутствуют ли юристы на процедуре медиации, или консультируют клиентов вне самой процедуры, — в любом случае, их вклад очень важен. Кроме того, юристы могут сами выступать в роли медиаторов, если они не представляют ни одну из сторон, не имеют истории взаимодействия со сторонами.

Думаю, что привычка юристов к работе с медиацией — это вопрос времени, и она рано или поздно сформируется, как это происходит сейчас за рубежом. Сегодня юристы, адвокаты сами становятся инициаторами различного рода проектов, направленных на распространение медиации. Например, недавно при Российско-французской торгово-промышленной палате в сотрудничестве с Центром медиации и права был создан Центр медиации²⁵. Наши французские коллеги, практикующие юристы, считают создание такого центра значимым подспорьем для представителей

²⁵ См. <http://fedim.ru/mediatsiya-v-rossii/tsentr-mediatsii-franko->

бизнес-сообщества Франции, имеющих коммерческие интересы на территории нашей страны, то есть это своего рода инструмент для улучшения инвестиционного климата.

Когда стороны видят, что юрист, сопровождая их в процедуре медиации, помогает им с меньшими затратами урегулировать спор, то, безусловно, они готовы к продолжению сотрудничества с ним в будущем. Может быть, он получит меньший гонорар по этому конкретному делу, но есть такое понятие, как «постоянные игроки», и это тем более важно, если мы говорим о корпоративных клиентах. А в бизнесе споры возникают постоянно. Понятно, что юристы, которые умеют не ввергать своих клиентов в пучину судебной тяжбы, а, наоборот, помогают им урегулировать спор быстрее и с наименьшими потерями, будут более востребованы, клиенты станут чаще обращаться именно к ним.

Что касается судейского сообщества — мировой опыт показывает, что без активного участия судейского сообщества, в принципе, невозможно развивать медиацию. Недаром судей называют держателями ключа к медиации. В тех странах, где обращения в суд являются частым явлением (а в нашей стране более 20 миллионов обращений в суд ежегодно), суд становится наилучшей, наиболее эффективной площадкой для популяризации медиации. Но важно, чтобы и здесь знакомство сторон с медиацией не происходило лишь формально. Поэтому судьи должны получать хотя бы минимум знаний, позволяющий им компетентно направлять стороны на процедуру медиации. С целью содействия судам в реализации столь значимой миссии Федеральным институтом медиации была разработана концепция интеграции медиации в работу судов и соответствующие методические рекомендации²⁶.

Таким образом, если говорить о роли юридического сообщества в развитии медиации, то ее невозможно перео-

rossijskoj-torgovo-promyshlennoj-palaty/.

²⁶ «Проект концепции интеграции медиации в работу судов с це-

ценить, и я думаю, что в любой стране эта роль огромна. Сейчас очень важно вводить в юридическую практику в качестве обязанности юристов информирование сторон о возможности обращения к медиации, да и вообще к альтернативным процедурам урегулирования споров. Это должно быть требованием профессиональной компетентности и этики. Возможно, со временем у нас появятся и юристы, работающие в концепции сотрудничающего, взаимопомогающего права²⁷, и это будет новый большой шаг в эволюции правовой помощи.

— Очень хорошо было бы, если бы юристы могли уже сейчас похвастаться своим пониманием метода медиации. Но, кроме юристов, какие еще источники пропаганды медиации в обществе вы видите? Как люди могут узнать об этом методе?

— Представляется, что юристы — это лишь одно профессиональное сообщество из множества других направлений деятельности, которые можно определить как социально-ориентированные и помогающие профессии. Когда мы разрабатывали Профессиональный стандарт медиатора, мы одновременно начали работать над своего рода

люю разгрузки судов, повышения доверия к суду как институту государственной власти, совершенствования судебной и правовой системы в целом», «Методические рекомендации для судей, их помощников и работников суда по направлению сторон на процедуру медиации и содействию примирению сторон с помощью знаний о медиации и медиативных навыков» и «Методические рекомендации по созданию Службы медиации и АРС при судах» опубликованы в: Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год. I том. М.: МЦУПК, 2015. — http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/Fim2014-1new_FINAL.pdf

²⁷ Подробнее о том, что такое взаимопомогающее право (collaborative law) можно узнать из статьи Ц.А. Шамликашвили «Запрещенная фраза. Когда адвокат не может сказать: “Мы увидимся в суде”». См. Медиация и право. 2010. № 1. С. 65-68. — http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/2010_1_SHamlikashvili_Zapreshhennaya-fraza.pdf.

«сквозным стандартом», который будет интегрирован в обучение и повышение квалификации представителей всех помогающих профессий. Когда я говорю о помогающих профессиях, я имею в виду людей разных специальностей, начиная от социальных работников и заканчивая теми же юристами, работниками здравоохранения, специалистами, работающими в сфере государственного и муниципального управления, а также занимающихся управленческой деятельностью в других сферах.

Конечно, мы ни в коем случае не ставим вопрос так, чтобы всех этих специалистов делать профессиональными медиаторами, но очень важно, чтобы при подготовке бакалавров в этих областях людям давали первичные знания о существовании медиации, о возможностях и преимуществах этого метода, причем не только с точки зрения разрешения споров, но и с точки зрения их предупреждения. Медиация должна стать частью картины мира любого человека, и особенно тех, кто получает какую-либо из указанных профессий. Подобные знания впоследствии помогут таким специалистам правильно ориентироваться в случае возникновения сложных ситуаций.

Также очень важно широко практиковать обучение основам медиации и медиативному подходу в рамках повышения квалификации. В различных сферах деятельности человеку очень полезно, если не необходимо владение этими навыками в качестве дополнения к своей основной профессии. Ведь любая деятельность, сопряженная с человеческим общением, необходимостью принимать сложные решения, любая управленческая деятельность и многие другие подобные профессии требуют, кроме сугубо профессиональных знаний, умения общаться с коллегами, подчиненными. Человеку просто необходимо развивать социальный и эмоциональный интеллект, конфликтную компетентность, способность снижать риски развития синдрома профессионального (эмоционального) выгорания. Уже сегодня немало специалистов в самых разных профес-

сиях и сферах деятельности работают, используя медиа-тивные навыки, что не только приносит пользу им самим, но и позволяет улучшать результаты своей работы.

На первый взгляд, самым эффективным способом для популяризации медиации было бы использование средств массовой информации. Но порой лучше ничего не делать, чем делать плохо, не разбираясь в сути вопроса. Ведь бывали и такие случаи, когда, например, появлялись сообщения о том, что в пенитенциарной системе заключенных обучают медиации для того, чтобы они, освобождаясь из мест заключения, становились медиаторами. То есть журналисты, что называется «слышали звон, да не знают, где он», и дополняют свое незнание абсурдными фантазиями! Это, конечно, вопрос об ответственном отношении СМИ (а, вернее, их представителей) к своей работе, который касается подачи любой общественно значимой информации, но медиация здесь особо уязвима, ведь, пока институт медиации известен далеко не всем, каждая такая ошибка может обойтись для его дальнейшего развития очень дорого.

Безусловно, нам очень нужна помощь СМИ, но при условии, что они сначала сами поймут, что такое медиация. К сожалению, освещением этого метода часто пытаются заниматься неподготовленные, и, что еще хуже, не готовые слушать журналисты. А это недопустимо, тем более когда речь идет о новом, столь значимом для будущего нашего общества явлении. Лучше всего было бы, если бы журналист сначала прошел курс медиации, а уже после принимался за статью о ней или подготовку какой-то программы. Мы открыты к сотрудничеству со СМИ и будем рады, если их представители, уже обучившись, а значит, разобравшись в сути медиации, со знанием дела станут помогать нам в распространении информации среди граждан, формируя правильное представление об этом институте в общественном сознании. Сейчас с горечью приходится констатировать, что пока, к сожалению, СМИ за редким исключением только извращают представления о медиации.

И, хотя на разных каналах существуют передачи, которые позиционируют свои темы на стыке с медиацией (а иногда и само слово «медиация» там тоже звучит), к медиации это не имеет никакого отношения.

В целом мы заинтересованы и готовы использовать все возможные каналы для того, чтобы сделать достоверную информацию о медиации доступной для наших граждан. Конечно, многое уже делается нами с корпоративных профессиональных площадок, именно с точки зрения профессиональных сообществ — для того чтобы у них появлялось представление не только об этом методе, но и о том, как они могут использовать его в своей конкретной сфере деятельности.

— Но можно же начинать знакомство с медиацией и в более юном возрасте. Известно, что в Центре медиации и права уже почти 10 лет как разработан метод школьной медиации, который широко интегрируется в школах. Вы можете рассказать немножко об этом методе?

— Это бесспорное преимущество — когда человек приобретает медиативные навыки еще в детстве. И не просто приобретает эти навыки, а начинает взаимодействовать с миром именно с позиции ненасильственного, позитивного общения, используя вместо физической силы, психологического давления созидательную силу своего интеллекта. Потому что современная медиация — это, прежде всего, интеллект, это возможность выразить себя и дать выразиться другому.

Именно поэтому мы, начав развитие медиации в целом, одной из первых поставили себе задачу — раскрыть, в том числе, социальный потенциал медиации и создать условия для того, чтобы с младых ногтей давать в образовательном пространстве детям возможность приобретать навыки позитивного общения, конструктивного реагирования на сложные ситуации. Одним из главных мотивационных мо-

ментов при этом было создание условий для развития безопасного пространства в образовательной среде и вообще в среде, где воспитываются дети, где развивается человек как индивидуальность, как личность. Одновременно, как я уже сказала, мы ставили и задачу приобретения детьми медиативных навыков, что является неотъемлемой частью развития безопасного пространства. Для этого нами был разработан метод школьной медиации (ШМ).

Вообще медиацию в школе, в образовательном пространстве начали использовать в ряде зарубежных стран с конца 70-х – начала 80-х годов прошлого века. Часто их называли программами peace building'a (то есть «построения мира»), имея в виду научение способам мирного сосуществования и общения со сверстниками. Мир невозможно построить, установить один раз и навсегда, мир нужно поддерживать. Ненасильственным способом поддерживать мир — это одна из сложнейших задач. Одним из наиболее прагматичных и эффективных подходов в решении этой проблемы является медиация, создающая условия для равноправного диалога между всеми заинтересованными сторонами, в различных контекстах, на всех уровнях социума. Метод ШМ все-таки ориентирован на то, чтобы прежде всего создать условия для профилактики конфликта, то есть на формирование безопасного пространства, благоприятного климата для всех участников образовательного процесса, независимо от возраста, способствуя развитию культуры медиации в контексте микросоциума, в котором учатся и живут дети.

Разумеется, создание служб школьной медиации предполагает одновременно и разрешение споров, которые возникают в школьном коллективе. Но главным тут является создание атмосферы медиативного взаимодействия, в которой сосуществуют все участники образовательного процесса на равных, что само по себе способствует снижению рисков возникновения конфликтов. Бесспорно, метацелью метода является безопасность ребенка и качество той сре-

ды, в которой он воспитывается и обучается.

Мы исходим из того, что если мы хотим создать безопасную среду для детей, то, прежде всего, в безопасности должны себя чувствовать взрослые. Ведь именно они оказывают важнейшее влияние на детей. То настроение, с которым преподаватель, педагог входит в класс, то внутреннее содержание (в том числе, эмоциональное), которое он несет в себе, — неизбежно отражается на детях. Если преподаватель чувствует себя в чем-то ущемленным или неудовлетворенным, это неизбежно сказывается на учениках. Очень часто у нас произносятся громкие фразы: мол, все для детей... Подразумевается, что преподаватель должен проявлять самоотверженность, полностью забывать о своих интересах и потребностях. А как раз в методе школьной медиации мы даем возможность каждому иметь свое пространство свободы, и организовать жизнь так, чтобы это пространство свободы уважалось другими. На мой взгляд, это очень важно для школьного микроклимата. И опыт интеграции медиации в образовательное пространство это подтверждает.

Вместе с тем, интегрируя медиацию в общеобразовательные школы, мы стараемся максимально вовлечь в эту работу родителей. Правда, это не всегда удается. Вопрос работы с родителями — это очень важный вопрос, который вскользь иногда поднимается, но на сегодняшний день качество детско-родительских отношений — это очень большая социальная проблема, которая со временем будет только нарастать. И мы должны очень большое внимание уделять тому, чтобы родители были состоятельны в общении со своими детьми. Повторю, это очень большая проблема, над которой нам рано или поздно придется все-таки начать работать очень интенсивно и системно. Мы для себя сформулировали такое понятие, как духовное социальное сиротство — состояние, которое испытывают дети из внешне вполне благополучных семей, в которых они не получают необходимой любви, заботы, лишены духовной

связи с близкими, родными им людьми. Порой родители абсолютно уверены, что дают ребенку все необходимое, не умея дать ему самое главное — свое истинное тепло и внимание, безусловную любовь. Разобщенность, отчуждение, разрушение межпоколенческих связей к несчастью становятся бичом современной семьи.

Надеюсь, что понимание этих проблем возникнет, прежде всего, со стороны самих родителей. Как это нередко бывает, даже активные родители, готовые к сотрудничеству, прежде всего склонны искать причины неблагополучия во внешних факторах, а не в себе. Конечно, этих внешних причин немало, но если они сначала постараются изменить то, что под силу им самим, их ребенку будет гораздо комфортнее. Бывает и так, что родители испытывают потребность помочь своему ребенку, но чувствуют, что им не хватает знаний, навыков. В таком случае они обращаются к нам. Если родители вовлекаются в эту работу, овладевают основами медиативного подхода, качество их отношений с детьми улучшается и школу они уже рассматривают в качестве партнера в многотрудном и ответственном деле воспитания своих детей. Ребенок от этого только выигрывает. Если школа и семья сотрудничают, если родители не воспринимают школу чисто потребительски (как это подчас бывает сегодня), то получается партнерство, которое идет во благо ребенку.

— То есть можно сказать, что метод школьной медиации, в принципе, идет от детей к взрослым и как бы включает в свою орбиту и семью, и взрослый мир?

— Мы стараемся никого не отвергнуть, чтобы у нас все, кто хочет и может быть полезен в этой работе, и те, кому она могла бы быть полезна, — чтобы все имели возможность быть частью большого общего дела. Очень важным элементом метода школьной медиации является создание «групп равных». Но принципиально, что это происходит

после того, как мы в школе сформируем группу взрослых людей, которые, уже глубоко понимая ценности медиации и основываясь на этой философии, на этом мировоззрении, смогут в дальнейшем работать с детьми. Это очень важно для успеха. В последние годы мы сетуем на то, что школа, система образования утратила способность к осуществлению одного из главных своих предназначений — воспитания. И это правда, если учесть, что в какой-то момент об образовании стали говорить как об услуге, то есть фактически воспитательная составляющая была здесь отринута. Ведь воспитание не может предоставляться как услуга. Воспитание предполагает служение, духовную связь, а не просто передачу суммы знаний. Привнося в школу медиацию, мы возвращаем ей способность выполнять воспитательную функцию.

— Наверное, можно даже сказать, что так мы формируем следующее поколение, которое уже не будет говорить, что наш менталитет не подходит для идей медиации. То есть, в принципе, мы как бы меняем среду, в которой будет действовать медиация.

— Я бы сказала, что с помощью медиации мы меняем, улучшаем среду, в которой предстоит жить нашим будущим поколениям. Очень надеюсь, что со временем мы сможем увидеть результат этих усилий, ведь, по сути, сейчас мы сеем семена, чтобы в будущем в обществе превалировал менталитет сотрудничества. Но люди, которые принимают решения или влияют на принятие решений, не должны воспринимать медиацию как прекраснодушную идею.

Медиация — это очень прагматичный способ. С одной стороны, он очень гуманный, но с другой — очень прагматичный. Ведь даже следующий нюанс свидетельствует об очень значимых особенностях медиации, состоящих в ее направленности исключительно к участникам спора: сторо-

на (или стороны) имеют право (возможность) прекратить процедуру в любой момент, если почувствуют, что что-то происходит вразрез с их желаниями или ожиданиями, либо если у них есть повод усомниться в нейтральности, непредвзятости медиатора. Тогда они могут обратиться к любым другим классическим, традиционным способам разрешения своего спора. Иначе говоря, в медиации мы возвращаем сторонам противостояния право оставаться собственниками своего конфликта. И когда мы говорим об ответственности, о наделении сторон силой и властью, — вот это все об этом! Чтобы человек осознавал и умел воплощать в жизни свое право активно участвовать в решении тех вопросов, которые значимы именно для него.

При наличии большого числа людей, которые будут носителями именно такого отношения к жизни и будут обладать такими качествами, как ответственность, уважение к пространству другого, способность конструктивно на основе сотрудничества подходить к решению самых сложных вопросов, принимая во внимание и долгосрочные последствия своих поступков, наше общество будет более здоровым, созидательным и жизнеспособным. Сегодня нельзя не задумываться о здоровье общества. Мы можем говорить о техниче-ском прогрессе, развитие и результаты которого сегодня человеческое сознание не способно даже охватить в полной мере, не говоря уже о том, чтобы предугадать и предсказать последствия стремительного появления все новых технологий, вторгающихся в частное пространство человека. И одновременно общество в последние годы находится в состоянии деградации, регресса с точки зрения именно человеческих отношений, гуманности. И это не просто печально, это вызывает большие опасения за будущее человеческого общества.

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас²⁸ соотносит «систему» (под которой понимается система управления и бизнеса) и «жизненный/живой мир» (семья,

²⁸ Хабермас Юрген (род. 1929) — немецкий философ и социолог,

друзья, община), приходя к выводу о том, что «система» вытесняет «жизненный мир». Человек постепенно утрачивает то главное, что делает его человеком. Жизнь заменяется суррогатами. И главным суррогатом становится виртуальная коммуникация. То есть возникает ситуация, когда ты можешь коммуницировать и как бы коммуницируешь со всем миром, но утрачена способность истинного человеческого общения. Поэтому человек в современном многолюдном мире, к сожалению, бывает очень одинок. И такой опыт одиночества очень опасен прежде всего для детей, подростков. Ведь неспроста мы так много сегодня слышим о странных проявлениях в детско-юношеской среде, о росте количества подростковых суицидов. Разумеется, медиация и здесь не является панацеей, но хочется надеяться, что она привнесит частичку «живого мира» в наш мир, опутанный «системой».

Человечество раньше, всего столетие назад, не знало очень многих профессий — тех, которые сегодня стали частью повседневности. За услуги специалистов в этих областях мы чаще всего платим деньги (это услуги тех же психологов, психотерапевтов, социальных работников и людей многих других помогающих профессий). И мы уже почти забыли, что раньше эти роли выполняли просто члены общины, члены семьи...

А сегодня в обществе нарастает разобщенность. Мы впускаем в свою жизнь чужих людей, которым мы делегируем право принятия решений, значимых для нас лично, право влияния на нашу жизнь.

Медиация как раз может вернуть людям возможность общения и понимания, отучить их от неспособности самостоятельно принимать решения. Но сделать это очень непросто. И хотя мы часто говорим, что медиация — это

один из наиболее крупных представителей Франкфуртской школы. Наиболее известна его «Теория коммуникативного действия» (1981). О соотношении «системы» и «жизненного мира» см., например: Хабермас Ю. От картин мира к жизненному миру. М.: Идея-Пресс, 2011.

самый простой, самый быстрый, самый легкий способ урегулирования конфликтов, но, как правило, медиация требует значительных сиюминутных усилий и большого личного вклада от каждого участника спора. Но в то же время, если ты сам этого не сделаешь, то, в результате, ты будешь жить по рецепту, который тебе выписал кто-то другой, кто не знает и не хочет знать, что же тебя на самом деле беспокоит и что является для тебя наиболее ценным.

Медиация как раз может стать в современном мире таким мостиком, позволяющим вернуть человеку связь со своим внутренним ресурсом, существующим в каждом из нас, но реализоваться которому часто мешают социальные рамки и условности, которые нам навязаны, или с которыми нам кажется удобнее жить... Да, конечно, человек — существо очень ленивое, и мы всегда стараемся найти виноватых вокруг нас, редко задавая себе вопрос: а что бы мы могли сделать самостоятельно, по-другому, дабы не случилось то, что случилось?

Я думаю, что позиция личной ответственности позволяет человеку избежать очень многих сложных ситуаций, в которые он себя вовлекает, делегируя ее кому-то другому. Медиация может стать именно тем ресурсом, который в современном обществе поможет вернуть человеку самого себя и способность быть активным. Но в каком смысле активным? Людям не надо пугаться, что теперь им придется нести на себе тяжелую ношу разрешения проблем и конфликтов. Со временем, когда приходит понимание того, что иногда лучше остановиться и дать человеку возможность высказаться, не запускать какую-то сложную ситуацию, не пугаться, а с открытым забралом выйти к своему оппоненту и попытаться его услышать, дать ему возможность выразить свое мнение, — тогда получается чаще всего, что ты остаешься удовлетворенным и оказываешься в выигрыше.

То есть конфликт не возникает, а если возник — он не развивается дальше, он не превращается в бочку пороха с

тлеющим фитилем, которая может в любой момент взорваться. Вот почему у медиации действительно есть немалый потенциал для того, чтобы дать нам возможность постепенно оздоравливать общество. Но для этого надо приложить много разумных усилий, надо пройти немалый путь, и мы находимся в самом его начале.

МЕДИАЦИЯ — ЭТО СПОСОБ СДЕЛАТЬ НАШ МИР НЕМНОГО ЛУЧШЕ И БЕЗОПАСНЕЕ

— Уважаемая Цисана Автандиловна, сегодня под Вашим руководством начинается еще один новый издательский и просветительский проект — выпуск нового научного журнала «Вестник Федерального института медиации», председателем Редакционного совета которого Вы являетесь. С момента основания Вы — научный руководитель учредителя нового издания. Какими вы видите ключевые задачи ФИМ?

— Создание ФИМ — это веха в развитии медиации в России, ведь значение государственного института, занимающегося вопросами интеграции и распространения медиативной практики во все сферы деятельности, в которых применение медиации целесообразно и эффективно, содействующего формированию государственной политики в сфере альтернативных способов разрешения споров, их встраивания в общественные отношения — невозможно переоценить. Выбор Министерства образования и науки в качестве ведомства-учредителя связан с поли- и междисциплинарностью медиации, как с точки зрения науки, так и в связи с широтой спектра сфер ее прикладного применения. Кроме того, путь к распространению медиации лежит через образование, обучение, и широкомасштабную информационно-просветительскую работу. Поэтому в нынешних условиях министерство образования и науки представляется наиболее естественным плацдармом для

развития столь значимого с точки зрения решения общественных и государственных задач и совершенствования общественных отношений в целом правового, социокультурного института, каким является медиация.

Как метазадача, стратегическая цель, нам видится интеграция медиации как современного социокультурного явления и практики в систему общественных отношений с целью их совершенствования, развития культуры конструктивного реагирования на конфликт, формирования менталитета сотрудничества, повышения уровня договороспособности в обществе. В решении этих задач современная медиация может играть весомую роль и, конечно же, ФИМ (при условии предоставления ему соответствующих ресурсов и возможностей) может и должен стать ключевым звеном в этой работе.

Продвижение к этой цели — сложный путь, требующий повседневных, последовательных, системных усилий со стороны профессионального сообщества, институтов гражданского общества, государства и всех заинтересованных сторон.

Одним из основных условий успеха, безусловно, является осознание ключевыми участниками (а это прежде всего те, кто позиционирует себя как часть медиативного сообщества) социокультурной значимости медиации. И наибольшая ответственность лежит на самих медиаторах, то есть на тех, кто предьявляет себя как часть профессионального сообщества.

За последние годы с момента принятия Закона о медиации сделано и делается многое для развития профессионального сообщества. ФИМ с момента своего создания является активным участником, а в ряде случаев и инициатором мероприятий, целью которых является формирование основ для профессиональной медиативной практики. В 2014 г. при участии ФИМ был разработан и утвержден профессиональный стандарт в области медиации, предусматривающий специализацию медиаторов по сферам

деятельности, что с развитием медиативной практики будет приобретать все большую значимость. К сожалению, в стандарт пока не вошла составляющая, описывающая стандарт преподавателя — тренера медиаторов, но в будущем это, несомненно, произойдет. И тут я прежде всего надеюсь на здравый смысл профессионального сообщества, на его готовность отстаивать действительно значимые для развития отрасли вопросы. Так или иначе, это должно быть сделано, поскольку одним из важнейших условий широкомасштабного распространения медиативной практики является качество услуг, а качество услуг зависит напрямую от уровня профессионализма медиаторов, что в свою очередь возможно лишь при существовании в высшей степени качественной подготовки тренеров-преподавателей медиации. Пока сегодня в стране в целом насчитывается не более нескольких десятков настоящих, профессионально подготовленных тренеров медиаторов.

Необходимо, чтобы медиация была интегрирована как «сквозной стандарт» в систему подготовки бакалавров и других специалистов в качестве непродолжительных ознакомительных курсов. Со временем, возможно активно будет развиваться обучение медиации в рамках магистратуры, но обязательно с учетом специфики методологии обучения. Соответственно, медиация должна быть интегрирована в федеральные государственные образовательные стандарты, прежде всего представителей социально ориентированных, помогающих профессий.

Мы предпринимаем огромные усилия, чтобы обратить внимание соответствующих ведомств на необходимость решения этой задачи, и в первую очередь обращаемся к Министерству образования и науки и к Министерству труда. В отношении юридических специальностей мы взаимодействуем с УМО в области юриспруденции. Также необходимо, чтобы медиаторы приступали к своей профессиональной деятельности на условиях присоединения к кодексу профессиональной этики, и следовали ему неу-

коснительно. Сегодня уже существует Кодекс медиаторов России, утвержденный президиумом НП «НОМ». В разработке и обсуждении этого Кодекса, наряду с учредителями НП «НОМ»¹, участвовали и другие организации, а также представители экспертного сообщества. Это документ, учитывающий особенности нашей культуры и менталитета, но вместе с тем при его разработке был учтен и международный опыт, и нам представляется целесообразным принятие этого Кодекса как основы для деятельности всех российских медиаторов, чтобы обеспечить хотя бы минимальные гарантии следования единым правилам профессиональной этики по всей стране. Наряду с этим, кодекс предоставляет своего рода ориентиры и потенциальным пользователям, которые очень нуждаются в таковых в связи с новизной медиации для России. Со временем, по мере развития практики (и вместе с ней — специализации медиаторов по сферам деятельности), возможно, будут разрабатываться дополнения к Кодексу и уточнения, необходимые для того, чтобы учесть специфику деятельности в той или иной области.

В июне 2016 г. была проведена учредительная конференция по созданию Совета по профессиональным квалификациям в области медиации. Создание такого специализированного отдельного Совета по медиации не только целесообразно, но и необходимо — с учетом широты спектра применения медиации в самых различных областях. ФИМ является одним из инициаторов этого начинания и основным партнером НП НОМ, которое выступает координатором этой работы и оператором Совета в будущем. В свою очередь, НП НОМ является ключевым партнером ФИМ во всех вопросах, связанных с профессионализацией медиативной практики, как единственная действующая на сегодняшний день в стране саморегулируемая организация в сфере медиации.

Нередко обсуждается вопрос ответственности медиато-

¹ См. примеч. 14.

ра. Главной ответственностью является следование основополагающим принципам медиации, которые и являются залогом реализации уникальных возможностей этого метода. Кодекс медиатора выступает своего рода камертоном в повседневной деятельности медиатора, и наличие такого инструмента не только важно с этической и психологической точки зрения, но и является для него практическим подспорьем, учитывая многообразие практики и те этические дилеммы, с которыми медиатору приходится сталкиваться.

В перспективе, с развитием профессионализации медиативной практики, было бы разумно задуматься о страховании профессиональной деятельности медиатора. Такая практика распространяется постепенно за рубежом, но опять же — по аналогии с существующей в этих странах традицией страхования представителей других помогающих профессий, таких как медицинские работники, или представители юридических специальностей. Принимая во внимание, что у нас не только нет такой традиции, но и возможность ее введения до последнего времени всерьез и последовательно не обсуждалась, рассчитывать на подобный механизм защиты профессиональных медиаторов в обозримом будущем вряд ли стоит. Именно поэтому очень важно, чтобы медиаторы становились членами саморегулируемых организаций. Ведь это для них очень значимая возможность получения дополнительных гарантий защиты в профессии, не говоря уже о том, что членство в СРО — это своего рода «знак качества», предъявляемый рынку.

Конечно же, мы открыты к сотрудничеству со всеми сообществами и организациями медиаторов, готовыми участвовать в работе, направленной на развитие медиативной практики. Одной из причин создания общественно-методических советов при ФИМ была именно необходимость в консолидации профессионального сообщества и других участников, заинтересованных в интеграции медиации. С 2016 г. действует Общественный методический совет

(ОМС) по развитию медиации при Федеральном институте медиации, в который, наряду с участниками профсообщества, вошли представители судейского сообщества, других специальностей, как юридических, так и иных помогающих профессий — психологи, культурологи, социологи. В обозримом будущем начнет работу аналогичный Общественный методический совет по восстановительной практике и медиации.

ОМС — это одна из наиболее эффективных форм участия представителей сообщества в обсуждении не только самых злободневных тем развития медиативной практики, но и в формировании стратегии ее развития. Составы Советов будут дополняться, обновляться, в том числе путем ротации. В связи с тем, что профсообщество еще очень молодо, появляются новые организации, объединения медиаторов, медиация приходит в регионы, и мы внимательно следим за развитием практики. Очень важно, чтобы и сами медиаторы проявляли активность, информируя ФИМ о своей деятельности, о инициативах на местах. Для этого с 2015 г. ФИМ развивает портал, на котором представлена карта медиации России. От региональных сообществ зависит, насколько объёмно представлена их деятельность на портале. Это в их интересах, ведь наполнение портала, повышает вероятность того, что информация о них станет доступна большему количеству не только коллег, но и потенциальных пользователей.

Одной из важнейших задач, реализуемых порталом ФИМ, является ведение реестров, как индивидуальных медиаторов, так и провайдеров медиативных услуг и образовательных организаций, осуществляющих подготовку медиаторов. Пока эти реестры создаются по заявительному принципу. Для тех, кто всерьез хочет заниматься медиативной практикой, регистрация в реестре должна быть в числе первых шагов после получения соответствующего образования, а для организаций это необходимо сделать как минимум в тот момент, когда они чувствуют себя впра-

ве позиционировать себя как провайдеры (т.е. в первую очередь располагают соответствующим кадровым составом, который способен обеспечить качественное предоставление медиативных услуг). Провайдеру также нужен пакет документов для сопровождения деятельности по организации и проведению медиации. Еще в 2013 г. ФИМ разработал такой пакет как типовой, чтобы содействовать всем тем, кто хочет предоставлять медиативные услуги и делать это качественно.

Вопрос баланса между государственным регулированием (которое порождает проблему излишне жесткого регулирования деятельности) и саморегулированием для медиации очень актуален еще и с учетом особенностей самой практики, которая не терпит жесткого вмешательства в нее «со стороны». Тем большая ответственность ложится в этом плане на профсообщество.

Для того, чтобы медиативная практика активно интегрировалась и распространялась, нужны базовые требования, которым будут отвечать все без исключения медиаторы, а уже основываясь на таком фундаменте не только можно, но и необходимо говорить о здоровой конкуренции и рыночных механизмах регулирования деятельности. И, разумеется, одновременно нужно проводить масштабную информационно-просветительскую работу для формирования корректного представления о медиации в обществе, среди потенциальных пользователей. При этом большое количество медиаторов инвестируют свое время, силы, профессиональные навыки в развитие практики. Ведь социальная сфера очень нуждается сегодня в медиации, и люди охотно пользуются этим методом, когда попадают в сложные ситуации, но культуры восприятия медиативной практики как платной услуги в нашем обществе пока еще нет. На это нужно время, и поэтому очень важно, чтобы те, кто проводит сейчас медиации, во всех случаях были компетентны. Чтобы, проводя медиацию на безвозмездной основе, медиаторы не позволяли себе относиться к этой

работе недобросовестно. Даже если не говорить о простой человеческой порядочности и безупречной репутации (без которых медиатор не может оставаться в профессии), следует помнить о том, что это инвестиции в свою же будущую практику.

Пока понимание степени социальной ответственности присутствия в медиации есть далеко не у всех, кто заявляет себя в качестве медиаторов. Это «болезнь роста», которую нам нужно пережить, но не «запускать» ее, так как в масштабах нашей страны очень трудно довести до потенциальных пользователей, особенно в отдаленных уголках, информацию о сути медиации и помочь им сформировать корректные ожидания от процедуры медиации, деятельности медиатора. В результате, нередко пользователи оказываются в ситуации, когда им предлагается некачественная медиативная помощь, что ведет к дискредитации медиации как института в целом. В регионах особенно сильно влияние так называемого «сарафанного радио», которое в этой ситуации может сослужить плохую службу будущему медиативной практики. Медиаторы в регионах должны с большой ответственностью относиться к своей деятельности и не стремиться замыкаться на себе, а обмениваться информацией, прибегать, когда это возможно, к экспертной помощи.

ФИМ практически ежегодно проводит опросы с целью исследования практики медиации по стране, и эти опросы не преследуют одну лишь цель сбора статистики, а в первую очередь позволяют собрать содержательную информацию, обозначить актуальные проблемы и помочь практикующим медиаторам. Но, к сожалению, уровень активности участия в этих опросах до последнего времени оставался очень низким. На этом фоне нередко от судов мы получаем информацию, свидетельствующую о достаточно большом количестве не только направленных на медиацию дел, но и проведенных процедур медиации.

В связи с этим несоответствием (и с целью изучения влияния социокультурных факторов и участия судов на

распространение медиативной практики) нами были проведены исследования с использованием системы «ГАС-ПРАВОСУДИЕ», и уже сделан ряд публикаций со-трудников ФИМ по результатам этого исследования.

Еще и еще раз мы убеждаемся в том, что развитие медиации напрямую связано с традиционно сформировавшимися способами реагирования на конфликт, и предполагает изменение культуры поведения в конфликте. Особенности российского социума требуют очень последовательной и системной, кропотливой работы, чтобы культура урегулирования конфликта, основанная на сотрудничестве, на равноправном диалоге, прививалась в нашей стране. И это большая ответственность — содействовать такому процессу, прежде всего для самих медиаторов. Конечно же, им приходится действовать в партнерстве с государством, с судебной системой и другими заинтересованными сторонами, но все равно наибольшая ответственность за успех распространения качественной медиативной практики лежит на каждом медиаторе. Это сложная, но вместе с тем почетная миссия, позволяющая внести посильный вклад в улучшение нашего общества.

Одним из важнейших направлений в рамках распространения медиации, безусловно, видится активное вовлечение юридического сообщества, и, в частности, судебной системы, судейского сообщества в процесс интеграции медиации. Ни для кого не секрет, что за последние четверть века российское общество из одного из самых пассивных с точки зрения защиты прав в судах приобрело признаки общества, склонного к сутяжничеству, о чем свидетельствует более 20 млн. обращений в суды РФ ежегодно. В таких условиях участие судебной системы в привитии культуры медиации представляется необходимым — и по причине максимального использования этого канала информации для обеспечения доступа к медиации гражданам, и для улучшения качества работы самих судов, повышения уровня доверия к ним в обществе в целом. Именно для этого

была разработана Концепция интеграции медиации в работу судов с целью разгрузки судов, повышения доверия к суду как институту государственной власти, совершенствования судебной и правовой системы в целом и Методические рекомендации для судей и работников суда, также по созданию Службы медиации и АРС при судах². Создание этих документов, которые без преувеличения должны стать ключевым инструментарием в вовлечении судов в развитие медиации, стало результатом многолетнего практического опыта работы с судами и анализа практики как отечественной, так и международной. Сейчас очень важно, чтобы в стране в рамках судебной системы развивалась практика компетентного направления сторон на медиацию судьями, чтобы в судах создавались условия для качественного консультирования сторон о возможностях и сути медиации, было бы хорошо проводить обязательные информационные сессии о медиации. Предложенный пакет документов является своего рода фундаментом для развития этой практики. Но, конечно же, для реализации этого инструментария нужна воля самих судов и Верховного суда. Со временем, возможно, эти документы будут утверждены высшими коллегиальными органами Верховного суда, Совета судей России, и будут применяться как руководство к действию. Так или иначе, они уже получили одобрение и поддержку со стороны членов ОМС ФИМ, в состав которого входят и представители судейского сообщества.

Еще раз хотелось бы обратить внимание на то, что, безусловно, развитие медиативной практики должно происходить в сотрудничестве с судами, однако самим судам участие в этой работе не менее важно. Могу предположить, что пока еще они не в полной мере осознают это. Но участие в распространении дружественных способов урегулирования споров является частью профессиональной этики

² Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год. I том. М.: МЦУПК, 2015. — http://fedim.ru/wp-content/uploads/2014/10/Fim2014-1new_FINAL.pdf.

судьи, возможностью на высоком профессиональном уровне выполнять столь ответственную миссию, возложенную на них государством и обществом. Развитие медиации посредством судебной системы будет также способствовать повышению уровня доверия граждан к ней. И, конечно же, медиация является союзницей судебной системы в борьбе за повышение ее (судебной системы) транспарентности и снижение коррупциогенных факторов.

Мы развиваем новую отрасль. Кому-то это может показаться слишком громким, возможно даже амбициозным заявлением. Однако это именно так. Конфликт, насилие, агрессия сопровождают человека на протяжении всей истории его существования как существа разумного. Однако сегодня, не побоюсь алармистского заявления, опасность, исходящая всего лишь от одной (пусть даже немногочисленной) группы людей, и даже от одного не услышанного, не понятого человека несоизмеримо больше, чем даже четверть века назад. Медиация — это, казалось бы, всего лишь один способ из широкого спектра способов разрешения споров, но в силу своей уникальности именно она ведет к исчерпанию конфликта, создает условия для восприятия сторонами не только результата, но и самой процедуры как справедливой и обращенной к их потребностям.

Да, сегодня медиация востребована не только в России, но и во всем мире несоразмерно меньше, чем это должно быть. Но это вопрос изменения культуры поведения в конфликте, а такие процессы требуют времени. Даже количество разрешаемых этим методом предпринимательских споров, конфликтов между хозяйствующими субъектами, где, казалось бы, медиация должна быть вне конкуренции, не столь велико, как могло бы быть. Однако тенденция, которую выявили исследования, проведенные CPR в связи со спорами в бизнес-среде, явственно свидетельствуют о снижении спроса на арбитраж в последние годы - в пользу медиации. Наряду с этим развиваются гибридные/смешанные процедуры, в которых непременно присутствует

медиация. Рост востребованности медиации составляет 15% за последние два десятилетия. Появляются новые инструменты, в которых используются элементы медиации. И, наверное, нет ничего удивительного в том, что процесс укоренения медиации в общественном сознании требует времени и усилий. Нужно преодолеть достаточно сложный и тернистый путь между существованием медиации как элитарного метода, доступного и понятного лишь избранным и наиболее интеллектуальным представителям общества — и временем, когда, наконец, медиация будет понятна большинству граждан и станет достоянием общества, свидетельствующим о достижении этим обществом определенного уровня зрелости. Общества, в котором из совершенно прагматичных соображений предпочтение будет отдаваться способности договориться, объединившись с оппонентом в решении проблем, которые стоят на пути выхода из конфликтной ситуации. Вот это и есть стратегическая цель ФИМ и всех тех, кто вместе с ним готов добросовестно трудиться на ниве развития медиативной практики в нашей стране.

— *Какова научная, академическая составляющая в работе Федерального института медиации?*

— Изначально, создавая институт, одним из приоритетных направлений мы обозначили научно-исследовательскую работу. Ведь современная медиация не только в России, но и в мире является достаточно новым явлением. К ней больше относятся как к прикладной деятельности, практически игнорируя необходимость научного анализа практики, верификации данных и, что не менее важно, изучения научных оснований медиации как междисциплинарной области знаний и полидисциплинарной сферы деятельности, подведения научной основы. Сегодня проводится множество исследований в видах деятельности и областях науки, находящихся на стыке с медиацией. Это

и исследование переговорного процесса, управленческих процессов, связанных с разрешением сложных ситуаций, вопросов принятия решений, реагирования на сложные ситуации, поведенческая экономика...

Многие исследования проводятся в сфере нейронауки — в попытке выявить механизмы мозговой деятельности, мышления, координирующие поведение человека при решении таких задач. Однако до последнего времени практически не было исследований, связанных непосредственно с медиативной практикой.

Благодаря усилиям нашего института даже за относительно короткий срок с момента его создания удалось сделать очень многое и с точки зрения исследования собственно практики, и с точки зрения постановки проблем для определения направлений, в которых в дальнейшем следует развивать научную деятельность в сфере медиации.

Это и формирование доказательной базы эффективности медиации, и исследование факторов, влияющих на динамику процедуры, и изучение поведения сторон, медиатора и т.д., это и определение факторов и способов совершенствования подготовки медиаторов, определение границ медиации и других социально-ориентированных практик, помогающих практик, таких как правовая помощь, психология, психотерапия, различные виды социальной работы, и изучение влияния медиации на бизнес, процессов и отношений между хозяйствующими субъектами, исследование возможностей медиации в различных группах и коллективах, характеризующихся спецификой процессов групповой динамики (в том числе временных коллективов), изучение медиации как ключевого инструмента восстановительной практики, ее влияния в работе с неблагополучными детьми, подростками, семьями, изучение роли медиации и медиативного подхода в развитии сообщества, оценка влияния медиации на «климат» в микро- и макросоциуме, ее роли в межкультурных и интеграционных процессах, описание медиации как социокультурного

явления, и многое другое. Одним из ключевых исследовательских проектов мы видим исследование договороспособности — при том в международном контексте.

Конечно, мы ограничены в ресурсах, но даже в этих условиях какие-то из этих направлений научной деятельности можно разрабатывать уже сейчас в сотрудничестве, как с российскими, так и с зарубежными партнерами. Эта работа является очень важным направлением, которое делает ФИМ уникальным учреждением, способным вывести Россию на первые позиции в сфере исследований в области медиации, разрешения споров и в социогуманитарной сфере в целом. Очень важным шагом для выведения России на международную арену в сфере социогуманитарных исследований стала разработка ФИМ стандарта гуманитарных исследований с участием человека, утвержденного в качестве Национального стандарта Росстандартом.

Эта работа проведена, прежде всего, в связи с собственным запросом института, поскольку, начав свои исследования, мы столкнулись с отсутствием в стране минимального набора средств, необходимых для проведения социогуманитарных исследований с участием человека, который бы обеспечил их соответствие международным стандартам. Для решения этой задачи разработан стандарт, а при ФИМ создан этический комитет³. В настоящее время все исследования проводятся в соответствии с указанным Нацстандартом.

Надеюсь, что и Минобрнауки, и другие ведомства, которые участвуют в подобных исследованиях и субсидируют научно-исследовательские проекты, постепенно будут руководствоваться этим стандартом и отправлять публикации по результатам исследований в социогуманитарной сфере на экспертизу в этический комитет. Ведь наличие экспертизы этического комитета, для которого стандарт проведения исследования имеет первостепенное значение, является одним из ключевых требований для публикации работ за

³ <http://fedim.ru/institut/eticheskij-komitet-fgbu-fim/>.

рубежом, а также признания исследований и их результатов корректными и достоверными. К сожалению, сегодня этому вопросу не уделяется должное внимание, но хочется надеяться, что наша работа изменит ситуацию. Таким образом, фронт работ у нас достаточно широкий и, несмотря на сложнейшие условия (или, вернее, отсутствие условий), благодаря тому, что ФИМ сегодня — это мультидисциплинарный коллектив профессионалов, мы постоянно продвигаемся вперед в решении очень сложных задач.

— *В составе Редакционного совета журнала «Вестник ФИМ» — наряду с медиаторами, представителями судейского корпуса и юридического сообщества в целом, входят и представители академического сообщества, чьи научные интересы лежат в различных областях знания. В то же время одной из главных проблем на пути становления медиации в России является низкое качество профессиональной подготовки медиаторов, малое количество профессиональных площадок для общения и обмена научно-практическим опытом. Какой Вам представляется роль журнала в повышении профессионального уровня медиаторов России?*

— Наверное, именно необходимость создания площадки для информационного обмена, прежде всего между российскими (или точнее, русскоязычными) медиаторами и специалистами в сфере разрешения споров в целом, представителями других профессий, комплиментарных медиации, послужила одной из причин создания нового журнала. У медиаторов есть журнал «Медиация и право», отметивший недавно свое десятилетие. Это журнал, который задумывался как окно в мир медиации и АРС для русскоязычного читателя. И эту миссию журнал выполняет в полной мере. Это журнал «вне времени», т.к. в нем можно найти материалы, позволяющие изучать медиативную практику в разных сферах, странах. Чтобы публиковать-

ся в нем, нужно иметь большой практический, экспертный опыт. Это «элитарный» журнал, не вполне укладывающийся в рамки обычного академического издания. Журнал «Медиация и право» выполняет еще и огромную информационно-просветительскую функцию, расширяя кругозор специалистов в области АРС, да и всей интересующейся читательской аудитории в целом.

При этом в последние годы, особенно с принятием Закона о медиации, растёт количество дипломных, диссертационных работ на тему медиации и АРС, российские медиаторы с накоплением практики чувствуют потребность в систематизации полученных результатов и публикации их в виде статей. Хотя большинство представителей медиативного сообщества все еще не воспринимают медиацию наряду с практической деятельностью, как объект научного исследования, люди хотят публиковаться и читать публикации друг друга, что достойно поощрения. Надеюсь, со временем удастся сформировать высокий стандарт качества таких публикаций, тем более что со временем, надеемся, «Вестник ФИМ» войдет в список ВАК, а уже сейчас (собственно, с самого начала своего существования) он зарегистрирован в РИНЦ. Мы очень рассчитываем на поддержку членов редсовета в части обеспечения качественного рецензирования потенциальных публикаций.

Согласно данным проведенных нами исследований, количество русскоязычных публикаций о медиации и смежных с ней областях на сегодня насчитывает несколько тысяч⁴. Конечно, большинство этих публикаций носят разовый характер в связи с необходимостью выполнения требований вузов или ВАК РФ. Авторы, исследователи, постоянно пишущих на нашу тему, наверное не более трех, четырех десятков. При этом подавляющее большинство

⁴ Шамликашвили Ц.А., Вечерина О.П. Медиация в российских исследованиях и в зеркале eLIBRARY // Вестник Федерального института медиации. 2017. № 1. С. 51-74. — http://fedim.ru/wp-content/uploads/2017/04/SHamlikashvili_Vecherina_Vestnik-FIM_1_2017.pdf.

статей издается в юридических или околоюридических СМИ. Это — еще один показатель неразвитости до сегодняшнего дня взгляда на медиацию как на особое социокультурное явление. Получается, что большое количество работ остается вне поля зрения профессионального сообщества. Поэтому нам очень важно, чтобы на страницах «Вестника» появлялись качественные междисциплинарные работы, и одновременно мы будем делать все возможное, чтобы повышать информированность читателей о публикациях в других СМИ.

Конечно, для «Вестника» очень важно сотрудничество с журналом «Медиация и право», который публикует самые передовые и знаковые материалы в сфере АРС. Будут развиваться партнерские отношения и с другими изданиями, представляющими интерес для специалистов в сфере предупреждения и разрешения споров, ведь возможность качественного и многостороннего информационного обмена является одним из значимых факторов профессионального роста медиаторов. Быть медиатором — это значит постоянно работать над собой. Медиатор должен много читать, знакомясь с публикациями о практическом опыте, накопленном коллегами, и пытливо изучать работы в областях, смежных с медиацией, расширяя и углубляя свои профессиональные знания, совершенствуясь как личность. Мы предполагаем вести в журнале рубрику, знакомящую с новыми публикациями в других изданиях, а также, наверное, будет полезно постепенно создавать (или, вернее, пополнять) библиографию для профессионального медиатора. Тем более, что основа для нее уже сформирована и Центром медиации и права, и кафедрой медиации в социальной сфере МГППУ.

— Качество законодательной базы — ключевая предпосылка для развития любого социально-правового института. Вы много сил и времени отдаете работе на этом важнейшем направлении. Каковы последние иници-

ативы возглавляемого Вами института в области совершенствования законодательной базы в сфере медиации? Что, на Ваш взгляд, является главным тормозом в ее развитии?

— Вопрос совершенствования правовой основы любого института в обществе — это один из ключевых аспектов успешного его функционирования. Сейчас, когда прошло уже более шести лет с момента вступления в силу Закона о медиации, вполне правомочно поднять вопрос о его совершенствовании — с учетом формирующейся практики и запроса самой отрасли, находящейся все еще на начальном, и поэтому очень важном этапе своего развития. Нами разработан проект Закона, т.е. пакет поправок в федеральный Закон о медиации и иные законодательные акты с целью содействия развитию медиативной практики в РФ. В самом конце 2016 г. таблица поправок и пояснительная записка к ней были размещены на сайте ФИМ и НП «НОМ» для общественного обсуждения. Также эти законодательные инициативы активно обсуждаются на площадке одного из общественно-методических советов ФИМ. Большинство предложенных инициатив находит положительный отклик. В рамках традиционной конференции ФИМ в апреле этого года прошел круглый стол, посвященный правовым аспектам развития медиации, на котором были представлены законодательные инициативы уже с учетом поступивших в ходе общественного обсуждения предложений⁵.

Повторюсь, что на первом этапе, первым пакетом изменений нужно закрепить самые злободневные поправки, чтобы дать новый импульс развитию отрасли. Следующие волны поправок уже, наверное, будут учитывать другие сложные неурегулированные вопросы, как, например, статус медиативного соглашения, вопросы стимулирования сторон к применению медиации посредством возвращения

⁵ Опубликованы во 2-м номере «Вестника ФИМ». См. <http://fimvestnik.ru/second-issue-2017/>.

(или частичного возвращения) госпошлины на судебное разбирательство, гармонизация с трудовым и семейным законодательством, вопросы налогообложения, связанные с медиативной практикой.

Наверное, уже назрела необходимость обсуждения введения бесплатной медиативной помощи для ряда категорий споров и, в первую очередь, по семейным делам, и в связи с защитой интересов детей. И это не следует смешивать с бесплатной юридической помощью. Бесплатная юридическая помощь должна быть доступна сторонам, использующим медиацию, и это отдельный очень важный момент объединения возможностей медиативного и юридического сообщества.

Наряду с этим, очень большое значение имеет включение медиации в процесс, связанный с административными правонарушениями, чему пока сильно препятствует риск коррупции и произвола при передаче дел на усмотрение чиновников. Но, тем не менее, есть категории дел, например, административные правонарушения, совершенные несовершеннолетними, где применение медиации как инструмента восстановительного подхода определенно принесет большой положительный эффект. Сегодня большая доля правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, относится к административным. И, если мы хотим системно создать условия для предотвращения повторных правонарушений в этой среде, одним из ключевых аспектов является активное применение восстановительного подхода.

В связи с Концепцией и необходимостью институционализации восстановительного правосудия назрела необходимость в распространении возможности применения медиации в уголовном праве в отношении несовершеннолетних. Необходимо также расширять поле применения медиации путем включения ее в законодательные акты прямого действия. Очень остро нуждаются в медиации система страхования и банковско-финансовая сфера. В том

числе все, что связано с банкротством физических лиц, а так же сложности, возникающие с потребительскими кредитами, ипотекой. Вообще, медиация должна активно включаться как способ предупреждения возникновения споров и путем использования ее на этапе выработки договоренностей, подготовки контрактов, при создании dispute boards (советов по урегулированию споров). То есть финансовые институты должны активно применять медиацию в том числе и в качестве инструмента риск-менеджмента.

Медиация должна со временем найти достойное применение в системе защиты прав потребителей и во многих других сферах, особенно там, где возможность достаточно быстро и с качественным устойчивым результатом разрешить разногласия представляет значимость не только для отдельных индивидов, но и является залогом социальной стабильности, доверия граждан к государственным институтам. Например, это сфера здравоохранения или жилищно-коммунального хозяйства, государственное и муниципальное управление, и в самом широком смысле работа по содействию общественному согласию (частью которой является интеграция медиации в институты, призванные решать вопросы межнационального, межэтнического, межконфессионального взаимодействия).

Пакет поправок, которые обсуждаются сейчас — это прежде всего изменения, необходимость в которых уже созрела. Предполагается их внесение и в сам Закон о медиации, и в процессуальное законодательство, чтобы устранить явные помехи к развитию медиативной практики. Это и устранение возможности ведения медиативной практики на непрофессиональной основе, что однозначно утратило целесообразность, так как переходный период уже пройден. Это и возвращение в закон более четких формулировок требований к медиаторам, включая их подготовку, и уточнение вопросов, связанных с критериями отнесения к организациям, обеспечивающим медиативную деятельность и их соответствия требованиям СРО, а в процессу-

альном законодательстве одним из самых наболевших вопросов является вопрос соотношения со сроками судебного разбирательства. Все желающие могут ознакомиться с этими документами и принять участие в их обсуждении. Мы исходим из того, что практика медиации пока еще находится в самом начале своего развития, и поэтому совершенствовать законодательство нужно очень взвешенно.

— Федеральный институт медиации — ключевой исполнитель «Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации».

Что можно уже сегодня сказать о первых, предварительных итогах ее реализации? Каковы перспективы внедрения медиации в социальную сферу и сферу образования России?

— Этому направлению ФИМ уделяет большое внимание не только в связи с тем, что мы являемся головной организацией по реализации Концепции. В целом, восстановительная практика, основанная на медиации и медиативном подходе является залогом распространения культуры ненасильственного разрешения конфликтов и предупреждения трансформации сложных ситуаций в конфликты. ФИМ, тесно сотрудничая с Центром медиации и права — организацией, которая уже более 12 лет находится не только в авангарде процесса системной интеграции медиации в нашей стране, но и является его локомотивом — имеет возможность опираться на уникальные разработки Центра, которые получают все большее признание в самых разных сферах деятельности по всей стране и за рубежом.

Ключевыми элементами Концепции являются всеохватная профилактическая работа, которая достигается путем

создания служб школьной медиации в образовательных организациях. Главной задачей этого уровня является развитие безопасного пространства для всех участников образовательного процесса, с активным включением в эту работу родительского сообщества. Наша задача — реагирование на неблагополучие с позиций восстановительного подхода, с помощью распространения восстановительной практики, реализация восстановительного правосудия в отношении оступившихся несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом. В этой работе очень важно скоординированное межведомственное взаимодействие и реализация междисциплинарного подхода.

Сегодня у заинтересованных сторон пока еще нет целостного понимания значимости этой работы, и нередко над приоритетом метациели превагируют сиюминутные ведомственные интересы. Но мы надеемся, что постепенно это понимание будет развиваться. Концепция при условии ее вдумчивого и корректного прочтения является достаточно качественным документом, который способен содержательно направлять процесс системной интеграции медиации в сферу защиты прав детей, семьи, да и в сферу оказания социальной помощи/поддержки в целом. Нам здесь, конечно, очень нужна поддержка Минобрнауки, Минтруда и соцзащиты.

Мы надеемся на продуктивное сотрудничество с Фондом помощи детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (как с федеральным, так и с аналогичными региональными фондами). Ведь мы, по сути, решаем именно те задачи, для которых государство формирует эти фонды. Многообразные центры социально-психологической помощи разной подведомственности также очень нуждаются в медиации. Будем надеяться, что со временем придет осознание нужности и, самое главное, полезности медиации в решении стоящих перед ними задач.

Но здесь я еще раз хочу предостеречь: медиация не терпит формального подхода. И если мы действительно хотим

получить тот результат, который она может дать, вопрос о профессиональной компетентности медиаторов должен стать краеугольным.

Такие емкие направления, как защита прав детей, в современном мире остро нуждаются в медиации. Это находит отражение в работе международных организаций, например таких, как Гагская конференция, или Международная социальная служба (ISS), и очень отраднo, что медиация, ее потенциал для разрешения споров и профилактики неблагополучия, для развития восстановительного подхода получили развитие в Концепции, о которой мы говорим. ФИМ является основным партнером и Министерства, и других государственных ведомств по интеграции медиации в эту многосложную работу, требующую слаженного профессионального межведомственного и междисциплинарного взаимодействия. Но при этом на реализацию положений Концепции не выделено финансирование. Мы, как головное учреждение, стараемся в рамках других направлений, связанных с защитой прав детей, поддерживать деятельность, связанную непосредственно с Концепцией.

Конечно, это крайне сложно, с учетом отсутствия у ФИМа помещений и возможности принять на работу необходимый контингент профессиональных кадров. Ведь, к примеру, работа с одним СУВУ требует вовлечения 6-8 сотрудников, которые на период от 4 до 12 дней выезжают в учреждения для проведения там комплексной системной работы. И для каждого СУВУ таких выездов в течение года должно быть несколько. Это работа в сложных, порой экстремальных условиях. После каждого такого выезда нужно еще проанализировать полученный опыт, спроецировать его на дальнейший план работы. Вместе с тем, работа в СУВУ с несовершеннолетними правонарушителями, у которых нередко уже в «послужном списке» более одного правонарушения, требует полной вовлеченности, она не терпит суеты, подстегивания, желания «быстро сделать

и отчитаться». Ведь это работа с детьми, затронутыми неблагополучием, чье восприятие мира искажено недоверием, отсутствием опыта заботы и любви по отношению к ним. Не менее сложно работать и с коллективами этих учреждений, где люди совершают, без преувеличения, ежедневный подвиг. Работникам СУВУ медиация позволяет увидеть новые возможности, освоить инструментарий для повышения собственной профессиональной компетентности и снижения риска развития эмоционального выгорания, которому они подвержены тотально. И это лишь одно из направлений деятельности ФИМ.

Ведется активная работа с КДНи ЗП, с другими институтами, участвующими в защите прав и интересов детей, включая правоохранительные органы. Идет научно-методическое сопровождение развития служб школьной медиации (и для этой цели уже созданы методические рекомендации). Но, опять же, создавать службы школьной медиации нужно не на бумаге, а реально интегрируя медиацию и восстановительную практику в повседневную деятельность образовательной организации. Сделать это возможно, лишь имея качественно подготовленный кадровый состав. Сегодня чаще всего мы видим формальный подход к этой работе, так как в регионах нет подготовленных тренеров методистов-медиаторов (формирование корпуса которых было предусмотрено первым этапом реализации Концепции, и так не было сделано ввиду отсутствия ее финансирования).

Самое неприятное, что здесь происходит — подмена реальной, пусть идущей маленькими шагами, но качественной работы, формальными отчетами и цифрами. Концепция же нужна не для еще одной галочки в демонстрации обращенности государства к интересам детей, она является документом, который должен стать основой реальных положительных изменений в этой сфере. Поэтому сейчас будет гораздо правильнее не требовать отчетов с мест о выполнении задач, поставленных в концепции, а проводить

взвешенную информационно-просветительскую работу, чтобы у регионов появилось понимание, для чего им нужно интегрировать медиацию и восстановительную практику в работу по защите прав и интересов детей, и возникла ясность, что им необходимо предпринять, чтобы сделать это возможным.

Тогда, может быть, не очень быстро, но качественно эта работа могла бы развиваться. А сейчас возникает порочный круг, из которого вырваться непросто — и не исключено, что со временем, как это уже не раз происходило, появятся какие-то новые задачи, а об этих просто забудут. Конечно, мы делаем все возможное, чтобы такого не произошло, и главным залогом здесь является обретение союзников среди тех, кто остро нуждается в подходах, развитию которых посвящена Концепция. Те, кто получил опыт применения медиации в самых различных контекстах, ценят ее, и сами стараются в меру сил содействовать ее дальнейшему применению.

Наряду с Концепцией, у ФИМ есть еще одно очень значимое направление в сфере защиты прав детей — это применение медиации в рамках реализации Гаагских конвенций. Как я уже сказала, мы активно сотрудничаем и с Гаагской конференцией, и с ISS. Сегодня в ФИМе созданы условия для проведения медиации в трансграничных семейных спорах на четырех языках. Сформирована группа международных семейных медиаторов (часть из которых мы до сих пор не можем принять в штат в связи с отсутствием финансирования). Россия относительно недавно присоединилась к Конвенциям, и Центральным органом, ответственным за их выполнение, в России является Минобрнауки⁶. ФИМ является основным его партнером в части обеспечения медиативной помощи. На сегодняшний день, следуя запросу сторон, мы проводим процедуры и в дистанционном режиме, пользуясь различными средствами телекоммуникации. Мы видим, что, несмотря на

⁶ Подробнее см. <http://fedim.ru/zashhita-prav-detej/>.

определенные потери, которые неизбежны при проведении медиации, когда стороны разделены географически и воспринимают друг друга и медиатора через монитор, такой формат проведения процедуры предпочтительней, чем полный отказ от нее, в первую очередь, в связи с невозможностью собрать всех участников на одной территории.

Это становится проблемой не только в связи с очевидной дороговизной, но и в ряде случаев, когда одна из сторон в силу формальных причин как, например, возбужденного в отношении нее уголовного дела, и опасений за свою безопасность, не может приехать на процедуру. А учитывая географические масштабы нашей страны, дистанционная медиация становится необходимостью и в семейных спорах, которые не являются трансграничными.

Наши нидерландские коллеги уже на протяжении нескольких лет используют специализированную онлайн-платформу для разрешения семейных споров, разработанную по заказу государства. В целом, эта платформа и ее эффективность оценивается достаточно высоко. Кроме того, следует отметить, что идея онлайн- разрешения споров на специализированных платформах, с определенными задачами, находит в последние годы все большее применение. Так, например, уже создана система онлайн-разрешения споров в рамках платформы e-justice Европейского Союза, с целью обеспечения эффективного механизма защиты прав потребителей. Система онлайн-разрешения споров — это многоступенчатый механизм, включающий в себя различные способы, от автоматизированного до вынесения суждения привлеченным экспертом, и, несомненно, он имеет большие перспективы.

Возвращаясь к конвенциям, не могу не отметить, что для того, чтобы медиация была активно интегрирована в процесс их реализации, необходимо тесное и слаженное сотрудничество центрального органа, судебной системы, адвокатов, службы судебных приставов. Во всех этих институтах должно быть понимание сути, возможностей,

места медиации при реализации конвенций. Нам придется прикладывать огромные усилия для вовлечения наших потенциальных партнеров в эту работу. С этой целью с 2014 г. ФИМ ежегодно проводит международные семинары по реализации конвенций и применению медиации. Постоянными гостями и участниками этих мероприятий уже по традиции являются представители дипломатических миссий, министерств юстиции зарубежных стран, юристы, практикующие в сфере международного семейного права. В последнее время мы видим, что и судьи начинают не только проявлять интерес к таким семинарам, но и участвуют в их работе, делятся опытом, выносят на коллегиальное обсуждение вопросы, возникающие в процессе работы. Вот и сейчас мы готовим семинар для судей и юристов в области семейного права о правовых аспектах реализации конвенций и применения медиации. И здесь очень многое зависит от активности центрального органа.

Несколько недель назад был опубликован текст Хартии по международной семейной медиации, разработанной под эгидой ISS. В настоящее время, благодаря помощи Центра медиации и права, документ доступен и на русском языке, также как в свое время Центром были переведены руководство по медиации и руководство для судей Гаагской конференции⁷. В разработке Хартии приняли активное участие медиаторы ФИМ.

Очень большая и сложная тема — домашнее/бытовое насилие. Здесь тоже медиация на каких-то этапах, в определенных ситуациях может принести пользу. В некоторых странах медиация в случаях выявления признаков домашнего насилия вообще запрещена. В нашей стране эта тема, к счастью, перестала быть табуированной, но выявление домашнего насилия, работа по его превенции и снижению рисков его негативного влияния пока остается в основном на декларативном уровне. Нам очень нужны действенные

⁷ <http://www.mediacia.com/documents.htm>. Также опубликован в 1-м номере журнала «Вестник Федерального института медиации».

инструменты выявления домашнего насилия и его признаков. Мы не раз обсуждали возможность разработки такого инструментария. Однако это должна быть действительно слаженная работа междисциплинарной команды, ученых, практиков, экспертов. Мы одни не можем реализовать такой проект, и поэтому будем рады сотрудничеству и в этой области. Таким образом, защита прав детей — это многогранная работа, в которой немалая роль отведена медиации, и ФИМ сегодня находится в авангарде этой работы.

— Наряду с многогранной и масштабной деятельностью по интеграции медиации, Вы являетесь практикующим международным медиатором, известным далеко за пределами России. Что Вы как медиатор с многолетним опытом, разрешающий сложные предпринимательские споры, могли бы пожелать российским медиаторам?

— Для медиатора, каким бы опытным он не был, в урегулировании каких бы сложных случаев ему не приходилось участвовать, главное — не успокаиваться, всегда оставаться пытливым и заинтересованным, быть готовым к неожиданностям, к встрече с «предсказуемой непредсказуемостью», не утрачивать способность удивляться, позволять себе сомневаться в самых очевидных, на первый взгляд, вещах, постоянно работать над собой как личностью. Не стоит забывать, что медиатор — это обычный человек со всеми присущими ему слабостями, а, значит, чтобы быть хорошим медиатором, ему необходимо как можно лучше знать себя, свои слабости, чтобы уметь их распознать и снизить их влияние на профессиональную деятельность. Вместе с тем, медиатор должен с большой степенью осознанности относиться к объективным слабостям, свойственным любому человеку: медиатор не может знать все, и у него может быть психологическая несовместимость с некоторыми людьми. Главное в случае такой несовместимо-

сти — вовремя это в себе отследить, и не допустить усугубления ситуации.

Каждая процедура медиации уникальна. И ощущение дебюта, в хорошем смысле слова, всегда присутствует в палитре переживаемых медиатором эмоций в связи с профессиональной деятельностью. Разумеется, анализировать, рефлексировать — это необходимые качества. При этом я должна отметить, что существует ряд устоявшихся заблуждений в отношении практики медиации. Например, считается, что в предпринимательских спорах меньше проявлена или вовсе отсутствует эмоциональная составляющая, в то время как в семейных она ярко выражена. Или, что коммерческие споры заведомо сложнее, нежели любые другие. Все это лишь утверждения, которые развенчиваются, как только вы начинаете взаимодействовать с участниками спора и/или процедуры.

В отношении сложности — любой конфликт, с которым к вам обратились стороны, представляет очень большую значимость для них самих. Поэтому, даже если ситуация кажется очень простой, остановитесь и задумайтесь: вдруг с вами что-то не так? К вам люди идут за помощью, а значит, она им очень нужна, и ваша задача не оценивать, а идти вместе с ними к цели, за достижением которой они к вам и обратились. Возможно, вместе с ними эту цель и надо прежде всего прояснить. А эмоции присутствуют практически в любом споре, и, соответственно, в любой процедуре.

Другой вопрос — степень их проявления, а также источник этих эмоций. И здесь я хочу обратить внимание на такой очень важный аспект в медиации, как конфликт интересов. Ведь есть сами стороны, и есть те, кто находится за пределами процедуры, но, возможно, влияет на решения сторон или на то, чем они руководствуются, как они принимают решения. Могут быть другие участники процедуры, чьи интересы не в полной мере совпадают с интересами самих сторон. И это тоже следует учитывать медиатору.

Особенно важно помнить о конфликте интересов юриста с его доверителем, или, что тоже нередко встречается — о случаях, когда в сложном клубке отношений возникает необходимость взаимодействия корпоративного и внешнего юриста. Также весьма сложен конфликт интересов менеджмента и владельца. Я это назвала «феноменом матрешки», когда в одной процедуре медиации, по сути, приходится проводить несколько процедур даже внутри одной группы участников, чтобы выявить скрытые, возможно ими самими не осознаваемые и не артикулируемые, проблемы и интересы, которые, если их не вскрыть, неизбежно приведут к негативным последствиям в процессе выработки договоренностей, или даже на более отдаленном этапе — в процессе исполнения достигнутых соглашений.

Медиатор должен помнить, что очень важно сразу же взять правильную ноту в общении с юристами. Они должны чувствовать свою нужность и значимость, которая должна быть продемонстрирована и медиатором.

Конечно, очень большое внимание нужно уделять подготовке к медиации, в которую входит и проведение предварительных консультаций со сторонами и/или их юристами. Нередко необходимо уделить достаточно времени для своего рода просветительской сессии для юристов, если у них нет опыта участия в медиации. Чаще такую работу приходится проводить в режиме conference call.

Очень важно, чтобы у юристов были правильные ожидания в отношении процедуры, правильное представление о роли медиатора и своей собственной. У юриста должно также возникнуть понимание различий между состязательным процессом и медиацией (не поверхностное, а именно в связи с соотношением ролей — своей собственной — и стороны, которую он сопровождает).

Большое значение имеет вступительная речь медиатора, которая задает тон всему, что будет происходить дальше, определяя рамки процедуры. Поэтому большое внимание следует уделять ее подготовке, учитывая при этом все

особенности данного конкретного кейса.

Каждая процедура медиации — это огромный материал для последующего обдумывания и анализа, и медиатор не должен пренебрегать такой возможностью. Прорабатывая полученный опыт, медиатор может сформулировать проблемные вопросы, и, попытаться понять: что, в самом деле, было наиболее сложным в данной процедуре, и почему та или иная ситуация была воспринята как этическая дилемма? Что можно было бы сделать по другому? Какие уроки можно извлечь?

Не нужно пугаться и паниковать, если вдруг процесс зашел в тупик, или началось движение по кругу. Иногда лучше взять паузу, предложить перерыв.

Сложности могут возникать по самым непредвиденным моментам, и главное их не пугаться, уметь приподняться над ситуацией, чтобы по возможности не терять ее панорамное видение, окинуть ее взглядом, немного абстрагировавшись от частных деталей. При необходимости надо попытаться взглянуть на ситуацию с «колокольни» каждой из сторон.

Не стоит забывать о возможности использования раздельных встреч и, если это целесообразно, предложить сторонам их проведение.

Всегда следует помнить, что для медиатора следование принципам медиации, уважительное отношение к сторонам (причем не только в своих действиях, но и в мыслях) является залогом того, что ваша помощь будет полезной и нужной.

— Ваши пожелания редакции и будущим авторам нового журнала?

— Хотелось бы видеть на страницах журнала качественные материалы, подготовленные на основе анализа профессионально проведенных исследований и результатов практической деятельности. Чтобы эти публикации ста-

новились вкладом в развитие медиативной практики в нашей стране, ее интеграции во все те области деятельности, которые нуждаются в медиации.

Надеюсь, журнал станет площадкой коллегиального профессионального общения, объединяющего всех тех, кому не безразлично состояние общественных отношений в современной России. Ведь медиация — это способ сделать наш мир немного лучше и безопаснее.

Об авторе

Проф. Ц.А. Шамликашвили — всемирно признанный эксперт в области альтернативного разрешения споров (АРС), международный медиатор, юрист, психолог, невропатолог; профессор и завкафедрой медиации в социальной сфере Московского государственного психолого-педагогического университета, автор и руководитель одноименной магистерской программы, научный руководитель Федерального института медиации и Центра медиации и АРС в правовой практике при Московской Государственной Юридической Академии им. О.Е.Кутафина.

Ц.А. Шамликашвили в начале профессиональной деятельности занималась исследованием центральной нервной системы, болезнью Паркинсона, впоследствии изучала вопросы влияния социума на формирование и развитие личности.

С конца 1990-х годов Ц.А. Шамликашвили занимается альтернативными способами разрешения споров, в частности, медиацией в контексте современных социально-экономических условий, рассматривая ее как ответ на запрос глобализирующегося мира.

С 2004 г. Ц.А.Шамликашвили изучала медиацию за рубежом (в том числе в Германии, США и Великобритании) в ведущих школах, получивших мировое признание, таких как Гарвардская школа права (программа по переговорам); прошла программу подготовки специалистов в области водной дипломатии (совместный проект МИТ и Университета Тафтса, США), Центр медиации в правовой практике и т.д.

Профессор Ц.А.Шамликашвили — аккредитованный медиатор CEDR (Center for Effective Dispute Resolution, Лондон, Великобритания), медиатор JAMS-International (США–Великобритания), региональный медиатор Всемирного Банка по России, Казахстану и странам Средней Азии (2012-2013 гг., World Bank Group Office of Mediation Services), член Совета EMNI (European

Mediation Network Initiative), член Ассоциации интегрированной медиации (Association for Integrated Mediation), член Совета Института Страуса по разрешению споров при университете Пеппердайн (Pepperdine University, США), ассоциированный член правления GEMME (Европейская организация судей за медиацию), член совета директоров AAPMAD (Association of Academics for the Promotion of Mediation as Academic Discipline), член Международной Академии Медиаторов (Distinguished Fellow) IAM (США), объединяющей выдающихся коммерческих медиаторов со всего мира, международный медиатор в семейных спорах, в том числе, подлежащих рассмотрению в рамках Гаагских Конвенций 1980 и 1996 годов, член Dispute Board Federation (DBF), представитель DBF в России и т.д.

Ц.А.Шамликашвили — медиатор, занимающийся урегулированием самого широкого спектра споров: от сложных трансграничных коммерческих споров до семейных, наследственных споров, споров в финансовой и страховой сфере, конфликтов связанных с нанесением вреда здоровью и т.д.

Проф. Ц.А. Шамликашвили основала собственную школу медиации, сформировав, благодаря деятельности созданного ею в 2005 г. Научно-методического центра медиации и права (<http://www.mediacia.com>), первую когорту российских медиаторов, тренеров медиаторов.

Ц.А. Шамликашвили является разработчиком собственного авторского метода содействующей медиации, основанного на понимании медиативного подхода, и на его основе ряда образовательных программ, в том числе состоящей из трех блоков Программы подготовки медиаторов (<http://www.rg.ru/2011/03/23/mediacia-dok.html>), утвержденной министерством образования и науки и министерством юстиции в соответствии с постановлением Правительства РФ, программы «Школьная медиация», предназначенной для профилактической и коррекционной работы в образовательной сфере с целью развития безопасной среды для детей всех возрастов, в том числе трудных подростков и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, а также является автором первой в России магистерской программы по медиации. Под ее руководством в Центре медиации и права была разработана технология Комплексно-интегрированного медиативного подхода (КИМП), позволяющего применять ме-

диативный подход как для урегулирования споров и разногласий, так и в повседневной жизни организации, предприятия, учреждения, корпорации.

Ц.А.Шамликашвили — президент НП «Национальная организация медиаторов» (<http://nrpom.ru>), основная задача которого — формирование системы саморегулирования медиативной деятельности в России.

Ц.А.Шамликашвили — основатель и научный руководитель Научно-методического центра медиации и права, ведущего провайдера медиативных услуг и лидера в сфере медиации в России и на постсоветском пространстве; председатель Подкомиссии по альтернативным методам разрешения споров и медиации Ассоциации юристов России; основатель, издатель и главный редактор единственного русскоязычного специализированного журнала о медиации и АРС «Медиация и право. Посредничество и примирение» (издается с сентября 2006 г.).

Автор многочисленных научных статей и ряда книг в области медиации, альтернативных способов разрешения споров, права, психологии. Среди них «Медиация как метод внесудебного разрешения споров» (М., 2006), «Менеджмент трудных решений в XXI веке. Секреты построения консенсуса, или Как сделать так, чтобы довольны были все» (М., 2009), «Медиация как альтернативная процедура урегулирования споров» (М., 2010), «Почему ребенку трудно учиться и как ему помочь» (М., 2010), «Азбука медиации» (М., 2011), «Введение в диалогистику» (М., 2011), «Основы медиации» (М., 2013).

В 2012 г. Ц.А. Шамликашвили была названа в числе десяти наиболее влиятельных юристов России за вклад в развитие медиации и формирование правовой основы для распространения медиативной практики в стране.

